

Поэт, драматург Иран-Гайып (Иранбек Абитаевич Оразбаев) родился в 1947 году в Сырдарьинском районе Кызылординской области, окончил горный факультет Казахского политехнического института и высшие курсы Литературного института им. Горького, лауреат Государственной премии Республики Казахстан (2002) и независимой премии «Платиновый Тарлан» (2007) в области литературы, кавалер ордена «Парасат». Автор многих книг стихов и около 60 драматических поэм, известных не только в Казахстане, но и за рубежом, многие из них поставлены в казахстанских театрах. Такие драматические поэмы, как «Чингисхан», «Абылай хан», «Жоркыт» и другие переведены на языки народов мира.

ИРАН-ГАЙЫП

АКСАК ТЕМИР. ИСКАЛЕЧЕННЫЙ ВО ЧРЕВЕ*

Драматическая поэма

Действующие лица:

Аксак Темир – великий Повелитель
Заин-эд-дин – шейх, наставник Аксак Темира
Туклук Темир – хақан (каган), наследник Чингисхана
Жудай – хан
Хусейн – эмир, Повелитель, друг Аксак Темира
Тарагай – отец Аксак Темира
Дарига – мать Аксак Темира
Жанылдык – «кипчакский батыр», жена Аксак Темира
Барлас – эмир
Бахрам – эмир
Аль-Сапар ибн Отырари – зодчий и художник
Аль-Шахани ибн Гулстани – зодчий и художник
Звездочёт
Посол кунградцев
Мастер-кузнец – Наставник
Ученик
Военачальник
Часовой
Народ

Действие происходит в конце XIV века.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Картина первая

Мавераннахр. На золотом престоле,
доставшемся в наследство от предков,
сидит каган Туклук Темир, который
трусливо дрожит, прислушиваясь к
шуму боя, доносящегося всё явственнее.

Увидев Аксак Темира, входящего в
Орду с окровавленным мечом, в ужасе
сползает с престола, не знает, что делать.

Туклук Темир

(прячется за золотой трон)

Нет!

Нет!

Меня не смеешь ты убить!

Предать заветы предков и забыть!

Нет!

Дьявольских не слушай искушений!

(Что-то ищет.)

В грех не впадай!

Постой! Не горячись!

Побойся Бога!

Даровал мне жизнь

Не ты, а Он, и отнимать не вправе.

Дух предков в грязь не втоптывай!

Очнись!

Аксак Темир

Эй, не болтай!

А лучше помолись –

Очисти душу лучше перед смертью,

Скажи слова последние...

Туклук Темир *(найдя написанный
на телячьей коже документ, выходит
из-за престола)*

Вот он! Нашёл!

Вот Договор-наме!

(Безгранично рад.)

Смирись пред древней мудростью!

Послушай,

Коль в здравии ещё ты и уме.

Вот, вот он!

Вот наш Договор-наме!

Поклялся предок твой, Кассак-батыр,

Кабыл-кагану – предку моему,

Что заключает с ним навеки мир.

Вот! Вот!

Написан этот свиток честно.

Вот! Вот!

Смотри, коль зренье не в дыму!

*(Как бы найдя спасение, начинает
быстро читать.)*

Здесь сказано – и это всем известно:

«Перед лицом народов всех сторон
Потомкам от потомков Кабыл-хана
В удел даётся счастье – ханский трон!
А отпрыскам Кассака неустанно
Престол священный должно охранять!
И жизни не жалеть, и не роптать –
Иначе будет строгим наказанье:
Во власти ханской весь Кассака род!
И страшен хана гнев...»

Вот, обещанье!

Вот, вот он! Видишь? Договор-наме!

Дух предков не гневи, коль ты в уме,

Не предавайся дьявольской гордыне!

Сей Договор издревле и доньше

Был равен шарияту всех времён –

Он свят, как Божий праведный Закон!

Его не нарушал далай-каган,

И даже сам великий Чингисхан!

Аксак Темир

Когда я имя Чингисхана слышу –

Дракона с человечьей головой –

Во мне всё холодеет, гневом пышет.

Ублюдок, замолчи!

Туклук Темир

(продолжая свою мысль)

А я прямой!

Да! Я прямой потомок Чингисхана!

*(Испугавшись разгневанного, готового
на всё Аксак Темира.)*

А ты – убийца! На исходе дня

Вчера убил ты зверски Жудай-хана –

Он Чингисхана внук и мне родня.

Сегодня же пришёл убить меня...

Аксак Темир

Ты истину глаголешь, хан Туклук!

Всё кончено!

И от моих ты рук

Падёшь, сползёшь

С престола Чингисхана –

Последнее посмешище тирана!

На этом и закончим разговор!

(Кровь, что стекает с меча, он

вытирает о телячью кожу, на

которую упал Туклук, раскинув руки и

обнимая Договор-наме.)

Традиции не будет с этих пор –

Лишь по родству

наследовать престолы!

Эй, где Хусейн?

Повелитель садится на престол. В Орду
входит толпа, которая ведёт пленников
во главе с Барласом и Бахрамом. У них
связаны ноги и руки.

Военачальник

Мой Повелитель!
 Снова обманул
 Эмир Хусейн надёжный караул –
 Из всех ловушек выскользнул.
 В походах
 Его скакун всегда проворней был
 Тяжеловесных наших тихоходов...

Аксак Темир *(воочию убедившись, что среди пленных нет Хусейна, с презрением глядит на Барласа и Бахрама; часовым)*

Освободите их от пут! Орду
 Очистите от всех продажных тварей –
 Они живые трупы и смердят!
(Проходя мимо Барласа и Бахрама, как бы про себя говорит.)
 Так мне и надо! Кто мне был собрат,
 Кого жалел я и кому был рад,
 Меня предали! И предали веру!
(Пленным.)
 Пусть вас, отступников от клятвы,
 тварей серых,
 Небесной кары поразит кинжал!
 Вон с глаз моих! Чтоб я вас не видал!

Пленные тут же бегут врассыпную, но,
 видя, что нет погони, успокоившись,
 возвращаются в Орду.

Пленные *(в голос)*

(один припадает к ногам Аксак Темира, другие – к ногам Заин-эд-дина, который стоит, ожидая, чем закончится всё это; в руках держит Книгу)

– В последний раз прости нас,
 Повелитель!
 – Прости нас, грешных,
 бунтов усмиритель!
 – Прости и пощади! Попутал бес –
 Случайно мы в его попали сети!
 – Наш благодетель!
 Отпусти ошибки эти,
 Не убивай, оставь нам нашу кровь!
 – Предай суду повинную головку,
 Что так мала, что так она неловка,
 И маленькую плоть – сосуд греха...
 – Теперь же я отдам тебе всю душу,
 всю кровь до капли!
 – Больше не нарушу
 Священной веры – в том клянусь я тут!

Аксак Темир молчит. Видя, что дела их катастрофически плохи, эмир Барлас

выпрашивает Книгу, что в руках Заин-эд-дина, целует её, прикасается лбом, а эмир Бахрам вынимает из ножен, что висит на Военачальнике, меч, держит перед собой и падает к ногам Повелителя.

Барлас

Вот Коран!

Бахрам

Вот жизнь моя!

Оба вместе

И мы принять готовы
 Любой твой суд,
 Твоё любое слово,
 Что справедливо пусть рассудит нас!

Барлас

Владыка наш, прости в последний раз!
 Ошиблись мы, сошли с пути прямого...

Бахрам

Не мы одни – от горя горевого –
 Погрязли и запутались в грехах,
 За то и так уж наказал Аллах...

Оба вместе

Одно из двух реши для нашей доли:
 Иль успокойся, нас убив, и в поле
 Развей наш прах;
 Иль успокойся, щедрою рукой
 Соединив нас со своим народом...

Барлас *(видя, что Аксак Темир всё ещё стоит на своём, холодно)*

Мой Повелитель! Общий род нам дан –
 Я не чужой тебе. И с кровным родом
 Пустил я корни на твоей земле
 И разветвился, и живём мы вольно –
 Ни в притеснение и ни в кабале,
 И потому быть пленником мне больно...

Так не гляди же свысока, послушай:

Хусейн на грешный путь нас
 совратил –
 Твой друг, твой враг,
 Продавший бесу душу,
 Кто клялся в дружбе, кто с тобою был!
 Но ведь не зря в народе говорится:
 Две головы не могут уместиться
 В одном, хоть и огромном, казане.
 Не только смертный человек сущий,
 Но даже и Пророк наш всемогущий
 Был с зятем уважителен вполне.

Так подари мне жизнь, мой
Повелитель!
Преследовать Хусейна буду я,
Пока не утечёт он в те края,
Где и отыщет смертную обитель!
По следу буду с факелом идти!

Бахрам

Да, нас Хусейн коварный сбил с пути!
Беспутный он, чужой покорен воле,
Не властен над собой, так кто же боле –
Он или мы – близки тебе, скажи?
Умерь свой гнев!
И в гневе не блажи!

Барлас

К чему слова? Да, виноваты мы...
Однако, просьба подданных –
Коран!

Бахрам

И меч!

Оба вместе

Над нами Божий дух!
Так выбирай теперь одно из двух!

Барлас

(протягивает Аксак Темиру Книгу)
Возьмёшь Коран –
Поверил, значит, нам!

Бахрам

(протягивает Аксак Темиру меч)
А меч возьмёшь –
Отправишь к праотцам!

Оба вместе

Что выберешь,
в своих решеньях честный?
Что говорит тебе Творец небесный?

Аксак Темир удивлённо оглядывается на
Заин-эд-дина. Тот кивает головой, как
бы говоря: «Прости их».

Аксак Темир *(берёт Книгу из рук
Барласа, открывает наугад
и читает)*

Тридцатая сура...

«Аллах Всемогущий

Один знает цену тебе, человек;
Не будешь молиться и днём ты, и ночью,
Не будешь молиться короткий свой век,
Единственным Богом считая Аллаха –
Не сможешь ты душу очистить тогда:
Останется чёрной она навсегда...»

Закрывает Книгу, целует, прикасается
лбом, преклоняясь перед Кораном.
Затем отдаёт Заин-эд-дину. Заин-эд-дин
заставляет пленных принести клятву на
Коране.

Барлас *(Аксак Темиру, идущему
к золотому трону)*

Позволь молвить слово мне,
мой Повелитель!

Аксак Темир

Коль есть что сказать – говори!

Барлас

Подарил
Ты жизнь мне и волю – и милости эти,
Как жалость твоя
К моим маленьким детям –
Так милость Создателя душу живит!
И сердце моё тебя благодарит!
И тысячу раз я склонюсь до земли,
Что губы твои Божьи мысли прочли!

Когда б ни Хусейна шакалья натура,
Который в порочный втянул меня круг
И прихвостнем сделал,
продажная шкура,
Туклука Темира! Неверный Туклук
Направил нас против тебя,
о светлейший!
Толкнул на преступный,
неправедный путь!

Бахрам

Да, это Хусейн!
Он подлец из подлецих!
Хусейн, что навывлет пронзил мою грудь;
Хусейн, что и жизнь мою всю испоганил;
И верность тебе испоганил Хусейн!
Семь раз моё сердце
смертельно ты ранил,
Семь раз превращал меня
в пепел и тлен,
Когда с твоим войском
Семь раз я сражался,
Шёл против тебя, задыхаясь от ран,
Но знай, Повелитель:
В тот миг покушался
На душу мою сам безумный шайтан!

Барлас

Коль враг из семи западней и засад
Обрушится вмиг и возьмёт твою жизнь,
То ты подчинишься!
Коль друг тебе брат,
Он – Солнце! В лучах его синяя высь!

Каким бы ни стал он потом подлецом,
Как свет погасит его? Жизни лишить?
И жаль перед нашим
небесным Творцом
Прервать быггия его тонкую нить...

Всю низость Хусейна я долго не знал...
Чужими руками он жар загребал,
И месть меня жжёт –
я пойду напролом!
На этом ли свете, иль, может, на том,
Но не пожалею я мести огня –
Получит расплату Хусейн от меня!
Он дом разорил мой, развеял очаг –
И плачем исходит разрушенный дом.
Отныне другой и не нужен мне враг –
Хусейна искать я отправлюсь с огнем!
По следу его, как охотник, пойду,
Покуда в могилу его не сведу.
О, мой Повелитель, благослови
На правое дело и месть на крови!

Бахрам

Я тоже желаю его наказать!
Когда он, коварства и злобы клубок,
Предастся веселью и будет опять
О подлостях думать и славить порок,
К нему подкрадусь
я неслышно впотьмах –
Орду разгромлю! И повергну я в прах
Зелёное знамя его! Самого
Казню я прилюдно!
Мой пламенный меч
Взлетит, чтобы голову тут же отсечь!
О, мой Повелитель, тебе моя жизнь,
Исполню я всё, только ты прикажи!

Аксак Темир

(не зная, что делать, растерявшись)
Ох, Хусейн...
Ах, Хусейн...
Друг ты мой дорогой!
Как мне жить в этом мире?
Что делать с тобой?

Он во власти вдруг нахлынувших
горестных мыслей и воспоминаний.
Перед глазами – тёмные крути,
кружится голова, весь мир сейчас
ему кажется охваченным чем-
то трагическим. Он входит в мир
призрачных видений.

Первое видение

Гулистан. Разгромленный дворец
Жудай-хана. Ханский престол пуст.
Идёт наказание пленных.

Пленные

– Прости, мой Повелитель, отпусти
На покаянье душу...
– Повелитель,
Прости, оставь мне жизнь, не погуби:
Дай смыть позор мне кровью
В смертной битве!
– Будь милостив! Молю тебя, молю!

Кипчакский батыр *(с презрением глядя на тех, кто валяется в ногах Повелителя, моля о прощении)*

Тьфу, лучше пожалеть пустую тлю,
Чем выродков теперь
нам слушать стоны,
Что преступили совести законы
И честь свою готовы затоптать!
Под нож бы я пустил всю эту рать,
Как неразумных блеющих баранов,
От страха обезумевших гурьбой,
Как будто перед чёрною чумой,
Взамен молитв священного Корана,
Намазов со смиренной головой...

Льстят сильному –
ничтожны меж людьми,
Подобные бедняге Мухдами,
Растерзанному дикими зверями.
Поклоны бьют, кивают головами –
И так вот раболепствуют весь век!
В них веры нет, а значит, нет души,
А нет души – безумствуй и греши!

Аксак Темир *(почувствовав, что молодой кипчакский батыр весь во власти гнева)*

А ты что ж не поёшь, мой соловей?
Кипела битва страшная семь дней,
Но нет, не пала крепость Гулистана!
Быть может... так и сгинешь молодым?
Мечты твои развеются, как дым,
И ни один цветок весенней жизни
Вовеки не раскроется теперь?
И ты уйдёшь, и ты закроешь дверь,
Подлунный мир сей гневно озирая?

Кипчакский батыр

Кто знает на земле, судьба какая
Ждёт каждого? И что вписал Творец
В святую Книгу Судеб, нас карая?
Коль смерти час настал, стою у края –
Что сделать я могу, ничтожный прах?
Но ты не Бог над нами, не Аллах,
Ты тоже прах и не сильней Аллаха!

Нет толку в просьбах и мольбах моих –
Курук* Создателя длиннее их!
И если, своей силою кичась,
Разбойной головою вознесясь,
На горло наше наступил стопою –
Не господин ты Богу! И с тобою
Теперь Всевышний прерывает связь!

Твой вид напоминает сучку мне,
Которая бесстыдно по весне
Пред кобелями хвост свой задирает
И сладострастной хотью истекает.
Не приближайся и не тычь перстом,
И не вилай передо мной хвостом!

Аксак Темир

Ну, что же, смерд, читай свою молитву –
Аксак Темиру проиграл ты битву!

Кипчакский батыр

Ля-ильла-ха иль-Алла,
Мухамед расуль Улла...
Нет, Повелитель, лучше я нарушу
Закон намаза и его предам,
Но чистоту души моей и душу
Молитвам жалостливым не отдам!
В твоей я воле – можешь попрекать
Меня за это,
Можешь наказать!

Аксак Темир (Барласу и Бахраму)

Герой! Кипчака смелость мне по нраву!
В смертельной схватке
бился он, как барс!
(Барлас и Бахрам поддакивают ему.)
И жизнь себе отвоевал по праву!
Нет, не могу убить его сейчас...
Дарю тебе я жизнь, отважный воин,
И кровь твою я нынче не пролью!
Живи! Ты лучшей участи достоин.
Освободить его!

Только успели часовые освободить
кипчакского батыра, как тут же
послышался гул барабанов, и
вооружённые люди ввели Жудай-хана,
которого они поймали при бегстве.

Военачальник

Мой Повелитель, мы его поймали,
Когда, одевшись дервишем, бежал
На ишаке...
Ушёл бы он едва ли –
Ишак не конь...

Аксак Темир

Эй, говори, шакал!
Жудай, бездарно правил ты народом,
И дальше думал править ты опять
Ещё лет двадцать или двадцать пять,
Когда народ беднеет год за годом,
Ты возомнил себя Всевышним Богом?!

Жудай (ползёт к Аксак Темиру, целует его ноги)

Мой Повелитель!
Это я-то Бог,
Что распростёрт у твоего порога,
Что даже защитит себя не смог?
Вот тебе жизнь моя и вот душа...
Бог истинный, что даст мне утешенье,
Не дав слезу пролить в моём крушенье,
Так это – ты!
Мой царь и падишах!
Мой Бог!
Молюсь твоей малейшей тени.
Вся голова моя полна смятений...
Она в руках твоих, раба твоя...
Забита прахом жизни колея...

Да, как потомок Бога Чингисхана,
Наследовал я золотой престол,
Но быстро власти моей миг прошёл,
И свергнут я...
И даль моя туманна...
Проясни взор мой, горечь утоли!
Похож я на замызганную шапку
Плешивого, лежащую в пыли...
И если вновь я в будущем когда-то
Пойду одной из дьявольских дорог,
Пусть отлетит от плоти бесноватой,
Пусть проклянёт меня Всевышний Бог!

Так Бог ли я, мой Повелитель правый?
Нет, нет!

Ты – дождь, упавший на дубравы,
На степь сухую, на польный склон.
Ты – божество, великий и могучий,
Подобен грозовой небесной туче –
Она летит под бурей времён!
Ты – Бог сегодняшний,
Я – Бог вчерашний,
И припадаю я к твоим стопам.
Пред тем, как я отправлюсь
к праотцам,
Дай мне дожить
ничтожной жизни крохи...

Повелитель отворачивается от него.

Кипчакский батыр (*вынув меч из ножен, устремляется к Жудай-хану*)

Встань, червь сопливый!
Подвиг смерти труден.
Ты – человечества позор и враг.
Умри достойно!
Как терпели, как,
Правителя такого наши люди
И радовались власти над собой,
Слепцы, невежды, с головой пустой?
Вставай!
И стоя смерть свою прими!

Слышится барабанный бой, и врывается
эмир Хусейн во главе своих нукеров.
Он тут же устремляется к кипчакскому
батыру, уже готовому убить Жудай-хана.

Хусейн

А ну-ка, стой!
Пред чёрными людьми
Толпа простолюдинов не читает
Нам, ханам, назиданья.
Как посмел
Поднять на хана руку?
Слишком смел,
Как погляжу –
На всю Орду твой крик!
(*Хватает за ворот и отталкивает
кипчакского батыра, и тут у батыра
слетает шлем с головы, длинные
тугие косы падают на плечи.*)
Сестра моя... Сестрица Жанылдык...

«Кипчакский батыр» – Жанылдык
Брат мой...

Обнимаются, радуются.

Хусейн

Сестра моя!
Аксак Темир (*прерывая радость
брата и сестры, Хусейну*)
Так, может быть, по-вашему, и я
Из тех невежд и неучей, дурманом
Туманящий свой глуповатый ум,
Кто не достоин быть сегодня ханом
И не набрался ещё мудрых дум?

Хусейн (*громко смеётся*)

Как бы ни пыжился
вид боевой принять,
Не может трус героем славным стать,
Подобным драгоценному алмазу!
О, мой победоносный, острый меч
Голов немало снял с батырских плеч,

Не промахнулся он ещё ни разу,
И путь его Аллахом освящён...
(*Отдаёт салям – приветствует
Повелителя; видя, что Аксак Темир
в гневе, делает вид, что враждебен
Жудаяю.*)
Жудай – предатель!
Пусть вернётся он
В бесовский ад!
Он – порождение ада!
Ради тебя, мой друг Аксак Темир,
Пошлю Жудая я в загробный мир –
И Повелителей других не надо!

Аксак Темир (*останавливает
Хусейна*)

Нет, нет, мой друг!
Остановись! Я сам
Хочу его отправить к праотцам –
(*Отрубает голову Жудай-хану.
Стоит, как будто ничего особенного
не случилось.*)
Не смей присваивать трофей батыра!
Кто низко жил – то от того скорей
Бегут, страшась, и смерд, и богатей,
И морщится брезгливо путник сирый.
Ей-ей, придёт ещё и твой черёд...
Ты опоздал!
Семь дней легли меж нами...
Когда упало вражеское знамя,
Рубить мечом ты можешь лишь дерьмо!

После небольшой паузы оба
направляются к престолу. Повелитель
даёт возможность Хусейну опередить его.

Ах, эта власть! Свобода иль ярмо?
Трон золотой!
Он символ ханской власти,
Величия, могущества оплот,
Дыханием волшебным он зовёт,
Притягивает, манит – прямо в рот
Дракона с огнедышащею пастью!
Кто жаждет власти –
в жертву принесёт
Себя Дракону! Я – одна из них,
Драконных жертв...
Ты – след следов моих:
Ты – тоже жертва...
(*Думает о чём-то своём, обходит
престол*)
Только мой престол – другой престол:
Он от Кутлук-кагана!
Его повергнуть я сюда пришёл –
Убит он будет поздно или рано!
Коль мстью не насытится душа,

То жизнь моя не стоит и гроша!
 А твой престол –
 наследство Жудай-хана,
 Его, Хусейн, достоин ты сейчас!
 Уж если речь зашла теперь о нас,
 О Родословной нашей – скажем прямо:
 Ты – головою был, всегда упрямой,
 Я – твоей шеей, мозгом головы.
 Коль ошибались – оба не правы.
 Не забывай, что ты Правитель мира!
 Ты внук великого Казган-эмира,
 Который был приёмным мне отцом,
 Мавераннахра был он властелином.
 С рожденья рос я под его крылом,
 И называл меня он своим сыном.
 Я не могу теперь перешагнуть
 Через тебя!
*(На престол Жудай-хана он сажает
 эмира Хусейна. Говорит важно.)*
 И не могу забыть
 Смерть дорогого сердцу человека,
 Чья доброта не ведала границ...

Против шакалов подлых и лисиц
 Замыслил я начать сраженья века.
 Потомок Чингисхана и злодей,
 Туклук-каган мишенью стал моей!
 Он, молнии подобно, неспроста
 Внезапно налетел на мирный стан,
 Не дав молитву прочитать.
 Коварно убил несчастного Казган-ата.
 К войне готовься...
 Только... призываю
 Не опоздай же и на этот раз!

Хусейн *(фальшиво смеётся)*

Не бойся, друг!
 Не думай в этот час
 О грустном и печальном.
 Я немного,
 Конечно, сплеховал...

Аксак Темир

Всё, всё! Молчи!
 Не то тебя услышат уши Бога...

Хусейн *(растерявшись, замешкался.*

*Поворачивается к Жанылдык,
 которая стоит у престола. Аксак
 Темиру.)*

Мой друг!

«Батыр кишчакский» пред тобой –
 Моя сестра, что послана судьбой,
 Что лунолика,
 Как Луна, прекрасна,
 Моя сестра родная, Жанылдык;
 Казган-ата – покойный наш старик,

Был дедом ей,
 И дева не напрасно
 Так дерзка и смела, но сердце в ней
 Полно любви и девичьих мечтаний.
 Смущается, и говорить не станет,
 Что в сердце она прячет – стыдно ей!

Два друга мы, привыкшие делить
 Всё пополам: и беды, и наследство,
 И дней беспечность золотого детства –
 И этого вовек не отменить!

Но мы по-настоящему узнали
 Друг друга не в беде и не в печали,
 А в испытаньях, что страшнее нет,
 На чём стоит и гибнет белый свет:
 Престол и счастье!

Вот моя награда –
 Сестра моя!

Ей говорить не надо,
 Ведь воля доброй девушки в руках
 Родного брата – так решил Аллах!
 И если я теперь владетель трона,
 То ты – владетель счастья!

И не смей
 Отказываться! Забирай! Владей!
*(Вкладывает руку Жанылдык в руку
 Аксак Темира.)*

Аксак Темир *(не может скрыть, что
 доволен решением друга)*

Коль поступаешь так ты, шурин мой,
 То значит, сам сужаешь круг земной,
 Сам власть свою желаешь ограничить...
*(Ставит Жанылдык с левой стороны,
 оказывая ей уважение.)*

Не зря народ в премудрость эту тычет:
 В конечном счёте выиграет тот,
 Кто, прежде чем жену себе возьмёт,
 На родичей жены глядит сначала.
 Меня народа мудрость воспитала,
 Поддерживали добрые дела.
(Обращаясь к Жанылдык.)

Ты свет от света, что родня дала,
 И станешь самой дорогой душою,
 От бед и скорбей я тебя закрою,
 Не дам затмить
 божественный твой лик –
 Лишь мне сиять ты будешь,
 Жанылдык!

*(Видя, что Хусейн гордится своим
 неожиданным ходом, говорит самому
 себе.)*

Так благовидно всё на первый взгляд,
 Но знаю я – обманчива приманка:
 За пазухой твоей и дрын, и яд!

(Обращая взгляд на Барласа и Бахрама, самому себе.)
 Так потоплю коварство, чья изнанка
 Черна, хоть её лестью золотят,
 Чтоб вновь лазейку ты не мог найти –
 Барласа и Бахрама сбить с пути!
 (Оставляет Жанылдык. Берёт Барласа и Бахрама с собой. Те занимают места по обе стороны Аксак Темира. Повелитель направляется к Хусейну.)
 Эмир Барлас! И верный мой Бахрам!
 Свой взор я обращаю снова к вам:
 Светильники мои, мои два глаза,
 Моим вы были кличем боевым,
 А в мирный день – два чистые алмаза
 Для лучших чувств –
 чистилищем моим.
 Вы были терпеливы и могучи,
 Что выдержали вы – никто б не смог,
 И даже крепкие подошвы ног
 Верблюдов вьючных
 по пескам колючим.
 Со мною рядом с детства были вы.
 Не зная устали, как жеребята,
 Носились по лугам живой травы;
 Весь белый свет прошли со мной когда-то.
 Но что же делать, если коротка
 Земная жизнь? Сожмёт её рука,
 Как рукоять камчи – короче ручки;
 И не даётся нам она опять,
 Чтоб даже узелок один связать,
 Чтоб разогнать
 над жизнью нашей тучки.
 Придёт черёд – и эта жизнь моя
 Оставит моё тело, моё небо...
 Покину я пределы бытия...
 Но где бы не жил я, и где б я не был,
 Даю вам волю! Оставляю вас,
 Как аманатов,
 Как залог покоя,
 В Орде Хусейна! Будете вы двое
 Напоминать про мирный договор;
 Но не печальтесь, не туманьте взор:
 Мол, стали вы за Жанылдык калымом.
 Короткой будет свадьба –
 пахнет дымом
 Сражений новых и больших потерь!
 Возрадуйтесь, что станете теперь
 Батырами вы для Аксак Темира!
 О вас вдали я буду вспоминать...
 (Оценивает Барласа и Бахрама.
 Хусейну.)
 Ну, как мой дар тебе для скрепы мира? –
 Его нигде ценнее не сыскать,

Ведь каждый человек – дороже злата,
 Людьями Орда и наша степь богата.
 Не думай ты, что ценится порода,
 Как у коней, пылающим тавром,
 Ведь в каждом –
 ценность целого народа,
 И ценность эту ты поймёшь потом!
 Коль будешь глупо править – обеднеют,
 И царство твоё по ветру развеют!

Видение исчезает.

Продолжение картины первой

Барлас (просит позволения казнить коварного предателя Хусейна)
 Исполни желанье моё, Повелитель!

Бахрам
 Я тоже желаю его наказать!
 Казню принародно – мой пламенный меч
 Взлетит, чтобы голову тут же отсечь!

Аксак Темир (самому себе)
 Хусейн... Хусейн...
 Но как бы высоко
 Ни ставил я его башку из меди,
 Всё ж норовит он выпрыгнуть легко
 С тарелки золотой, где много снеди;
 Подобен он собачьей голове,
 Которую кладут из уваженья
 На золотое блюдо... Лишь презренье
 Останется о нём в людской молве...
 Намеренно он опоздал вчера,
 Обманной клятвой сбил меня с пути:
 Замыслил Жудай-хана он спасти,
 Но кончена коварная игра!
 Ума лишившись, на решенья скор,
 С Туклуком подписал он договор,
 И стал теперь моим врагом заклятым!
 Нигде теперь нет выхода ему –
 Смертельный яд,
 что для меня запрягал,
 Придётся ему выпить самому!
 Достоин смерти он без покаянья.
 Так исполняйте же свои желанья!
 Я разрешаю!

После того как Повелитель уселся
 поудобнее на троне, Барлас и Бахрам,
 всем видом показывая, что они
 благодарны ему, уводят пленных,
 получивших свободу. Входит часовой.

Часовой
 Повелитель мой!

Посол кунградцев просит дозволения
Войти!

Аксак Темир

Скажи, пусть входит!
(*Самому себе.*)
Надо же... О чём
Он будет плакать?
Эдакий бедняга
Из маленького племени? Видать,
Не знает он простую поговорку:
«Уж лучше быть у врага в душе,
Чем у него торчать перед глазами...»

Входит посол кунградцев, отвечает
поклон.

Посол кунградцев

Мой Повелитель!
Мне кажется:
Гроза из Божьих рук,
По голове ударив, всех карает;
Мне кажется: ловушки расставляет
Нечеловеческих, жестоких мук;
Мне кажется: уже буран стихает;
Мне кажется: меняется вокруг
Погоды нрав, и белую рубаху
Немного задержавшейся зимы
Диск солнечный, явившийся из тьмы,
Телёнок-Жизнь, явившийся из праха,
Жуёт и мнёт, и радостно съедает;
И видя всё, в безумие впадает
Гора печали – горько слёзы льёт,
Изводит душу и навзрыд рыдает;
И кажется: по волосинке рвёт
И дедушкину бороду терзает
Незримый кто-то...

Аксак Темир

Не говори загадками, а прямо:
Что хочешь? Ну же!

Посол кунградцев

Вовсе нет тумана
В словах моих, о Повелитель мой!
Мне кажется: я слышу волчий вой
В моей душе – в ответ на лай собачий
От Итаяка: в каждом слове прячет
Он яд змеинный, чтоб унижить нас...

Не о себе печалюсь я сейчас –
Хочу сказать о бедствии народном.
Аму-Дарья и Сыр-Дарья, в свободном
Течении – как две косы Земли;
Там жили мы в кругу благословенном,
С другими племенами мы могли

Равняться в миролюбии смиренном;
И если поднимал кунградец меч,
То чтоб очаг от недруга сберечь!

У Чингисхана были на посылках –
Ничтожным прахом
в придорожных былках.
Он разгромил безжалостно Восток,
Разинул и на Запад свой роток!
Мы поднимали дух его ретивый,
И всё же стали гибнуть на глазах:
Всё нажитое превратилось в прах,
И исчезал народ наш терпеливый,
А раньше было больше нас, чем мух...
Чтобы очаг и вовсе не потух –
Мы за тобой пошли, в святой надежде,
Что встанем на ноги, как было прежде,
Да только стали мы ещё бедней...

Заплакали горячими слезами
Кочёвки и аулы – каждый кров! –
Так издевались мытники над нами,
Налоги собирая с бедняков.
Всё забирали – до последней крошки,
И не осталось даже головёшки
В потухших, опустевших очагах...
Один песок в разбитых пиалах...

Люует голод!
Умирают детки...
И старики слабеют без еды.
У всех кустов растут в листочках ветки –
У нас же корни сохнут от беды!
Теряем человеческий мы вид...
У каждого порога смерть стоит...
Так пожалей нас, грозный Повелитель!

Аксак Темир (*самому себе*)

Зачем страданий ваших мне касаться?
Коль помогу я маленьким кунградцам
Или другим в их бытие пустом,
Кого Господь покинул – это будет
Моим протестом Богу? Ни за что!
Нет, зря я в грех такой впадать не стану...
(*Послу кунградцев.*)

Пой, заливайся соловьём! Устами
Мне в уши лей, что хочешь, соловей!
Но не рыдай!
Не плачь ты о народе!
Ты думаешь, один день на свободе
Прекрасней тысячи невольных дней
В закрытой клетке? Что тебе милей?

Не зря велик я, потому что знаю,
Что соловью привычнее жизнь такая:
Привык он к клетке...
Клетку приоткрой –

Погибнет на свободе он зимой!
Вот и считай судьбу такую райской:
Жить взаперти
и есть с руки хозяйской...

Ты глуп, ты ничего не понимаешь.
По виду ты как призрак мертвеца.
Подумай сам: от одного отца
Народы тюрков. Если собираешь
В один кулак их, годный для удара,
То разве не похож он на Тулпара?

Посол кунградцев

Мой Повелитель!
Верна речь твоя...

Аксак Темир

Батыр высокородный – это я!
Я, оседлав строптивного Тулпара,
Подругу крепкой подтянул рукой.
Я управляю жёсткою уздой.
Мой трезвый ум, не знающий угара,
О дне грядущем думает. Ведь так?

Посол кунградцев

Ты верно молвишь...

Аксак Темир

Ежели «кулак»
Подтягивает прочную подругу,
То прижимается Тулпара шерсть
Помимо воли, и вот в этом есть,
Возможно, участь плачущих
кунградцев...

Посол кунградцев (плаксиво)

Астапыралла!*

Неужто я, придя просить рога,
Лишился даже бороды? О боже!
Перед тобой нижайший твой слуга.
На что ты намекаешь?

Аксак Темир

Ты, похоже, не понимаешь,
что я говорю?
Кто у меня отнять Тулпара может?
Лишь я казнию, и жизнь лишь я дарю!
Из-за того, что чья-то шерсть прижата,
С пути, что предначертан был когда-то
Самим Аллахом – не сойду, хоть вой!

Закон природы – он для всех извечен:
Не могут лёгкие
Вдруг превратиться в печень,
Как чужаки не могут стать родней.
И если вы восстанете гурьбою
Против меня, наказаны судьбою,
Против меня, пред кем весь мир дрожит –

Во все четыре стороны Вселенной –
То знайте: натяну узду мгновенно,
Камча по вашим рёбрам засвистит!
Эй, вон отсюда!

Посол кунградцев

Повелитель...

Аксак Темир

Всё!
А то дождёшься: потекут сейчас
Заместо слёз зеницы твоих глаз!

Эй, часовой!

*(Часовой пинками выталкивает
посла кунградцев из Орды. Повелитель
сам себе.)*

Где можно отыскать
Лекарство, чтобы в сердце залатать
Сквозные раны...

Часовой (возвращается)

Мой Повелитель!
По вашему веленью
Явились два художника. Они:
Аль-Сапари ибн Отырари,
Аль-Шахани ибн Гулстани.
Они в Орде. Ждут вашего приказа!

Аксак Темир

Скажи, пусть входят!
(Самому себе.)
Если в мелочах
Сумеют мысли передать всех сущих,
Хоть дал пустые души им Аллах,
Шерсть перебрать,
как тонкий шёлк текущий,
Успешно завершатся их дела...

Художники входят в Орду и отдают
поклон Повелителю.

Аль-Шахани ибн Гулстани

(падает к ногам Повелителя)
Мой Повелитель!
К твоим ногам мы падаем смиренно,
С почтеньем пред величием твоим.
Ты нам Аллахом на правленье дан!

Аксак Темир

Эй, подними-ка голову, Шахан!
Ни перед кем не должно унижаться
И золотую голову склонять,
Лишь пред Аллахом!
Сможешь ли понять –
Поймёшь...
*(Обращается к Аль-Сапари ибн
Отырари.)*

Ведь разве шее гордой гордеца
Понравится витой курук ловца?
Или...
(Вынимает меч из ножен.)
Вот этот меч волшебный – он снесёт
Глушца башку, коль загордится тот!

Аль-Сапар ибн Отырари стоит,
не шелохнувшись, не выказывая страха.

Всё!
(Уставившись на лезвие меча.)
С самого рожденья
Потомки Чингисхана – мне враги.
Стал Жудай-хан теперь
могильной тенью,
Туклук Темир от рук моих погиб –
След крови их есть на мече разящем...
(Показывает обоим художникам.)
Вот! Вот!
Определите же цвет настоящий
Их крови!

Аль-Шахани ибн Гулстани *(сразу же)*
Что тут спорить? Красный цвет!
Он красный, красный,
о мой Повелитель!
Кровь красная – другого цвета нет!

Как бы показывая недовольство этим
ответом, Повелитель поворачивается к
нему спиной, отходит от него.

Аль-Сапар ибн Отырари
Мой повелитель!
То не кровь людей,
А яд смертельный бедствий и страстей!
Кровь, у которой плоть развращена,
Язык – нечист, не красная она,
А чёрная – её чернее нет:
Такой у этой чёрной краски цвет!
А можно бы сказать и по-другому:
Она подобна хлопку дорогому,
Что съеден совкой в чреве коробка.
Волшебный меч, что подняла рука,
И есть тот хлопок!
Что в конце? Сомненья...
Не избежать под небом разрушенья
Ни хлопку, ни железу – ничему!
Мой Повелитель! Верное решение:
Яд уничтожить ядом! Потому
Ради племён, идущих за тобою,
Цвет крови сам определи! Она
Не зря для жизни Господом дана,
А не для смерти...
Цвет определится
В пути, который,

Может быть, продлится
Всего лишь день, иль месяц, или год...
В конечном счёте выиграет тот,
Кто, меч подъявши, бойню не начнёт;
Кто будет издали глядеть –
под грозный гул! –
Не приближаясь к своему врагу...

Аксак Темир *(скрывая, что доволен
ответом)*

Но всё-таки зазорного в том нет,
Звать красным – красное
И белое – звать белым.
(Задумавшись.)
Немало скакунов наш видел свет,
Но каждый скачет в меру сил и тела:
По-своему всяк исполняет дело –
И разным мыслям то даёт толчок...
Пределы ваши я увидеть смог –
Прошли вы оба это испытанье.
Скажу теперь, что я хочу сейчас,
И что в мечтах вынашивал я тайне,
И потому я требую от вас:
На белой ткани, краскою чудесной
Мой лик создайте в свете золотом,
Как русские богов своих небесных,
Которым они молятся потом...

От каждого из вас я жду портрета,
А там решу, кто лучше сделал это!
Работайте усердно, неустанно,
Чтоб на картине всяк увидеть мог
Аксак Темира – гордого кагана,
Великого и грозного, как Бог!
Берите из казны, что будет надо:
И полотна, и красок, и кистей...

Аль-Сапар ибн Отырари
*(пристально разглядывая облик
Повелителя глазом художника,
обходит его кругом)*
О Повелитель мой! Для нас награда
Твоё желанье! Жди от нас вестей!

Аль-Шахани ибн Гулстани
Мой Повелитель! Голову склоняю
Перед твоим величием опять,
И тотчас же приказ твой исполню –
Твой раб готов, что скажешь,
исполнять!
*(Не отрывая взгляда от Повелителя,
выходит, пятясь.)*

Аксак Темир
*(видит, что в Орде никого нет, кроме
Заин-эд-дина и Жанылдык)*

Любая голова вольна всегда
 О чём-то думать, мысли направляя...
(Шейху Заин-эд-дину.)
 О мой Учитель! Хоть бегут года,
 А я живу, сей мир не понимаю.
 Я обессилел, в думах изнемог,
 Ступал неосторожно на порог,
 Где тот и этот свет... И бездыханно
 Лежал и ждал, что скажет грозный рок...
 Завяз по пояс я в невзгодах дней,
 И удивлён породой людей,
 Что в мыслях ставят себя выше хана,
 Что даже Бога могут позабыть...

Из рук своих не выпускал я нить,
 Что тянется к корням происхожденья –
 До мелочей я знаю шежире*:
 Свой род я знаю – старцев в серебре
 И юношей, прекрасных от рожденья.
 Я мудрым стал,
 могучим, сильным стал,
 Для дел великих был рождён особо.
 Учитель мой, ведь мы же видим оба:
 Хоть я велик, а перед Богом – мал!

Передо мной на цыпочках батыры,
 И силачи, и дерзкие задиры,
 Что с корнем вырывали вражий род;
 И славные герои – они брали
 Твердьни неприступные, потом
 Без жалости и страха убивали
 И молодых, и старых...
 Шли за мной
 Джигиты настоящие на битву...
 Но что им делать, если я такой?
 Какую отомолиться мне молитвой?
 Ведь я посланник смерти – Джабраил!
 Я – одноглазый бес, и за спиной моей
 Поднялись города могил,
 И слов своих страшусь я, мой Учитель!
 Зачем Земля разверзлась
 в страшный миг,
 Чтоб из огня бесовский ад возник
 И появились дьяволы, Учитель?
 Ужасные... Такие вот, как я...

Шейх Заин-эд-дин

Властитель мой!
 Правдива речь твоя!
 И ни один батыр на целом свете,
 И ни один мудрец – в познанных светел –
 Не выше он народа никогда!
 А всё-таки народная Орда –
 Овечья, бессловесная отара.
 Вожак священный тех овец ведёт...
 Ты выше вожакон младых и старых!

Аксак Темир

Так что ж выходит? Этот путь и тот
 Неправильны?

Заин-эд-дин

О нет, мой Повелитель!
 Мои слова обдуманы давно,
 Но нет на них ответа всё равно...
 Что дам тебе я, слабый шейх-старик?
 К народу обрати свой светлый лик!
 Ведь даже колыбель его из золота...

Правитель мой! Ты не с Небес сошёл,
 В объятьях Солнца счастья не нашёл,
 Не трогал Утра нежные ладони,
 И не возник ты из небытия:
 Народ – золотая колыбель твоя.
 Ты – лист на Древе Жизни, в его кроне,
 А Родина – твоя родная мать...
 И если хочешь верный путь избрать,
 Стань дервишем,
 Стань дуаной* блаженным,
 Что странствует путём
 благословенным,
 И у народа, обходя сей свет,
 На все вопросы спрашивай ответ!

Аксак Темир *(поклонившись шейху)*
 Часовой!

Входит часовой.

Жанылдык

С тобой пойду я, Повелитель мой!

Аксак Темир *(дал понять, что он
 не против предложения Жанылдык.
 Часовому)*
 Для нас одежду нищих принеси!

Часовой быстро приносит три узелка.
 Один берёт Жанылдык, второй – Аксак
 Темир, третий – Заин-эд-дин. Аксак
 Темир с женой уходят. Шейх прячет
 узелок под халат и следит за ушедшими.

Картина вторая

Гулистан. Лавка кузнеца. Кузнец-
 Наставник кладёт на наковальню
 подкову, Ученик молотом бьёт по ней.
 Перед кузнецом останавливаются двое
 нищих дервишей. Это переодетые Аксак
 Темир и Жанылдык. Вдали видны
 снующие туда-сюда жители старого
 города.

Кузнец-Наставник (*перевернув*

подкову, Ученику)

Бей! Ещё раз! Бей!

Ещё раз! Бей же сильнее!

(*Ученик даёт понять, что устал.*)

Бей! Ещё! Ещё! Сильнее!

Пусть искры поднимаются до неба!

Дается нелегко он, кусок хлеба!

О, всемогущий, о, святой Аллах!

И смерд простой, и скотовод, и шах,

И праведник, и грешник –

всяк на свете

От Бога наделяется трудом.

И тяготы, и муки разделяет

Аллах по силам каждого потом...

(*Оба видят дервишей. Кузнец*

показывает на первого)

Как жалок он: и одноглаз, и хром.

(*Иронизирует над вторым.*)

А посмотри на этого бродягу!

Бей! Бей! Сильней!

Железо – не бумагу

Куешь! Бей!

Ученик

Ох, Учитель мой!

Устал... Уже нет сил...

Наставник

Ну, ладно, ладно...

Прервём уроки наши...

Но как же человеком станешь ты,

Коли душа твоя так хочет каши?

Ученик (*жадно пьёт воду*)

Устал я от никчёмных наставлений!

(*Немного отдохнув.*)

Коли желает курта твой желудок,

Что в том плохого? Надо бы сказать:

И слава богу! Разве это худо?

И надо ли за это порицать?

С тех пор, как стал Ордою управлять

Аксак Темир,

Жизнь наша полегчала,

Не так ли? И поборов меньше стало,

И снизились налоги... Пусть каган

И дальше не даёт бесчинной власти

Потомкам Чингисхана: Чингисхан

Пиявок расплодил корыстной масти!

Они – интриг и кляуз мастера,

Жестокие невежды и тираны,

Что в злодеяньях вечных неустанны;

Они – та мышь, что родила Гора:

Потомки своих предков кровожадных...

Да разве они слушали когда

Мольбы голодных,

Жалобы бесправных?

Наоборот, они пришли сюда,

Чтоб мир заполнить

горем им неравных!

В неизлечимых ранах наши души,

А тёмный люд,

ослепший и послушный,

Пошёл за ними – за своим концом:

Ведь этот мир считался мертвецом...

Младые мои годы убивали

Народным горем!

И хрящом печали

Пронзили душу нежную мою!

Наставник (*подзадоривая*)

И что теперь? Хрящ горя мягче стал?

Ученик

Не лезьте в душу мне!

День мщенья не настал,

Но он настанет – и тогда восстанет

Униженная армия сирот,

Что жили без родительских забот,

Без ласки, сытых дней совсем не зная,

Бредущая по выжженным степям...

И эта рать, от притеснений злая,

Растёт уж – не по дням, а по часам!

Должны ж когда-то отвориться очи –

Как факелы прозренья среди ночи –

У настоящей Истины! Хотя...

Они бельмом затянуты веками...

Но что зря горевать, невзгодам мстя,

И на душе носить тяжёлый камень?

Кто предаётся мрачным мыслям – тот

Себя послушно к гибели ведёт...

Наставник (*как бы жалея двух нищих, стоящих у порога*)

Глянь, погляди, как на лице у них

И тот и этот свет печаль оставил.

Бредут в лохмотьях нищенских своих...

Бедняги, от дорог чужих устали:

Нет места в жизни им и крова нет...

(*Ученику.*)

Ты говоришь, что Истина среди бед

Прозреет, ярким факелом зажжётся?

Я сомневаюсь... В жажде у колодца

Нам умирать – так было испокон:

Кто сел на золотой, на ханский трон,

И власть кого до неба возносила,

То у того и Истина, и сила!

Ученик

Скажите, что противник ярый вы

Властителю на золотом престоле?
Скажите, что среди суетной молвы
Жить будете вы по свободной воле,
Не поклоняясь смерду или хану?

Наставник

С тобою спорить я теперь не стану,
Но я скажу: на свете Бог – один,
И я – один-единственный на свете.
Мне жить осталось
среди земных долин,
Пожалуй, меньше, чем овце из клетки,
Которая убога и стара:
Её вот-вот прогонят со двора...
И не сторонник я ни тех ни этих...
Единственное, чему верю я:
Мой труд, мой пот, копеечка моя,
Да сила для кузнецкой, для потехи,
Ещё – для трезвых мыслей голова...

Ученик *(задевая Наставника за живое)*

Зачем такие молвите слова?
Без оснований думать так негоже!
Ведь раньше вы, бывало, говорили:
Рождают сыновей, чтоб повторили
Стезю отца, продолжив его путь!
Теперь поёте вы совсем другое...

Наставник

Нет, не другое: песнь моя одна,
Пришли другие просто времена...

Ученик

С достоинством ваш век
на свете прожит.
Пусть ничего вас больше
не тревожит,
Ведь лучшее лекарство от страстей –
Жить без интриг, без нищеты,
без ханов,
Без золотого трона, без каганов –
Вот это жизнь!

Наставник

Есть много новостей...
Я долго жил, но никогда не слышал,
Чтоб от того, кто был народа выше,
Досталась доля счастья и добра –
Так было и сегодня, и вчера,
И никогда не будет по-другому...
Попомни моё слово: гибель дому
Придёт, коль остов мира подсекут.
Тогда и царства древние падут,
И Человечество, и всё живое
Они погубят!

Ученик

Ужас! Кто они?

Наставник

Те, кто стремятся обладать престолом.
Считают счастьем сундуки с добром,
Едят сверх меры, давятся куском,
Одежду рвут на сиром и на голом –
Но им всё мало!
Грешники Земли...
(Вспыхивает гневом.)
Они – от Ноя ветхого пошли,
Они – Кунхана ветвь и внуки Хама,
Они – Яфеса семья, племя Сама,
Те, кто остался в виде половы
От турка Абея посеянной травы,
Сорняк, разросшийся
по следу Улук-хана,
Потомки и потомки Тумен-хана...
Среди них два близнеца
возшли недаром,
Ведь были внуками
Монгола и Татара –
Два поражения не знавших великана:
Кассак батыра дети,
Дети Кабул-хана.
И сих потомков Ноя малый круг,
Чьи кости обросли тяжёлым жиром,
Прекрасной, белой костью стали вдруг,
Правителями истинными мира!
Они друг друга мудрыми зовут,
Те, кто народы за собой ведут...

Из молвы людской правда выглянет:
«Ворон ворону глаз не выклюнет!»

Уйдёт один стервятник – будет новый.
Нет Чингисхана – есть Аксак Темир.
А бедняки, как мы, опять и снова
Живём в слезах и проклинаям мир,
И принимаем неземные муки...
Простой народ для ханов –
просто мухи.
Исход один у всех никчёмных мух:
Ударишь камнем муху – сдохнет муха,
По камню хлопнешь муху –
сдохнет муха,
Ведь участь мухи – испустить свой дух!

Потомки ханские –
несокрушимый камень:
Всё стало пылью – камень жив веками!
(Ученику.)
Ты это, что ли, так узнать хотел?
(Объятый гневом.)
Быть мёртвыми при жизни – наш удел.

Чем раньше мы умрём –
 тем лучше будет,
 Ведь дальше только хуже беспредел!
*(Кричит двум нищим, что сидят
 у порога, и проходящим мимо
 путникам-горожанам.)*
 Эй, мертвецы! Эй, нищие!
 Сей жизнью
 Вы заживо уже погребены!
 Эй, мухи жалкие! Летите вон! Летите!
 Ничтожен мир – и вы там не нужны!
 Всё обсидели... Этот мир загажен...
 Слетайтесь в кучу! Собирайтесь в круг!
*(Всем, кто откликнулся и пришёл
 на его крик, раздаёт вещи из своего
 магазина-мастерской.)*
 А ну, кому что дать из щедрых рук?
 Всяк нынче будет счастлив и уважен!
(Полному человеку.)
 Ух, ты, как жрёт! На чашу для еды!
(Высокорослому человеку.)
 Эй, ты, могучий бык! На твоей пшее
 От хомута хозяйского следы!
 Так на тебе ещё хомут!
(Молодому джигиту.)
 Тебе ж узда! Возьми!
*(Видя, что какой-то глупый человек
 ржёт во весь рот.)*
 А для тебя, невежи,
 Есть недоуздок! На, бери, ишак!

Собирается толпа, люди становятся
 в очередь.

*(Неуклюжему, грубо отёсанному
 человеку.)*
 Тебе – лопата!
 Будешь ты, дурак,
 Копать могилы!
(Шустрому, льстивому живчику.)
 А тебе – подкову!
 Ведь подхалиму нужен скользкий ход:
 Он нужен был и в старый век,
 и в новый!
(Декханину.)
 Тебе – соха! А с нею и почёт –
 И рабству, и мучениям великим!
(Стройному юноше.)
 Тебе же – меч!
(Плотному джигиту.)
 Тебе – вот эта пика!

Очередь доходит до двух нищих:
 Аксак Темира и Жанылдык; подходит,
 расталкивая других, и третий нищий
 дервиш – Заин-эд-дин; он узнаёт Аксак

Темира и Жанылдык, но не подаёт виду,
 а те так вошли в свою роль, что его не
 узнают.

Тебе... тебе, бродяга...
*(Видя, что он стоит со старухой и
 держит её за руку.)*
 И тебе...
 Как вижу я, ты добрая старуха,
 Хоть, как и все, не нравишься судьбе,
 Хоть, как и все, не нравилась муха...
(Жанылдык, в знак согласия, кивает.)
 Возьмите-ка аркан вы на двоих:
 Он из хвостов сплетён был – молодых
 Двух яловых, горячих кобылиц!

Первый нищий (Аксак Темир)
 Зачем он нам? Не падали мы нищ!
 Всё раздаёшь ты только ради блажи
 Разнузданной души твоей!

Наставник
 Отважен!
 Аркан вам – чтоб повеситься на нём!
 Зачем вам жить,
 Подобно псам бездомным,
 И умножать мушиный род людской?
 О нищета! Под небом, столь огромным,
 Ни крова нет ей, ни еды простой...
 Пускай аркан вот этот шерстяной
 Освободит от мук позорной жизни!

Третий нищий (Заин-эд-дин)
(перебивая Наставника)
 А что дашь мне, о щедрая душа?
 Ведь обездолен я, и путь мой тяжек...

Наставник
*(Пристально глядя на него,
 показывает на гроб, что стоит у
 двери лавки.)*
 Вот домовина – тоже хороша!
*(Удивлённому шейху Заин-эд-дину
 показывает на Аксак Темира и
 Жанылдык.)*
 Положишь в гроб
 вот этих вот бродяжек!
 А ну, довольно! Вон идите! Вон!
(Толпе.)
 Эй, мертвецы – кто горем погребён!
 Кто заживо закопан! Эй вы, мухи!
 Кыш, кыш! Пошли!
 Вы – тени голодухи!
 Уйдите! Сгиньте!

Голос из толпы
 Ой, со всех сторон
 Идут аскеры хана!

Военачальник (*бьёт всех, кто
попадает под руку*)
Расходитесь!
Вон, голодранцы! Расходитесь! Вон!

Ученик
Что тебе надо от людей простых?
От мирных бедняков? Оставь ты их!

Военачальник
Вон как заговорил!

Ученик
Да, так!

Военачальник
А если так...
(*Размахивает мечом.*)
То я сейчас, дурак,
Укорочу башку твою дурную
И спрячу в ящик!

Ученик стоит, не шелохнувшись;
Жанылдык становится между ними,
и её задевает меч. Ханские аскеры
расправляются с народом, как волки
с овечьей отарой. Люди бегут и вмиг
исчезают. Когда уходят и ханские
аскеры, люди опять собираются перед
лавкой Кузнеца, перед которой лежат
два трупа: Ученика и Жанылдык.

Голос из толпы
О, какой позор!
О, это произвол ведь настоящий!

Наставник
Нежданно, враз, и на глазах у нас
Два Горя пали горькие сейчас,
Две жертвы ненасытного шайтана,
Что прародитель бедствий и потерь!

Третий нищий (Заин-эд-дин)
(*при помощи собравшихся кладёт
в гроб тела погибших*)
Несите их на кладбище теперь,
Там и прочтём намаз –
над прахом павших,
Безвинно и жестоко пострадавших...

Первый нищий (Аксак Темир)
(*подняв с земли тело Жанылдык*)
О, захлебнулся я в крови нежданной
И разум потерял, мне Богом данный...
Что делать мне? Изранена душа...
Мой поводырь слепой, Судьба-
бродяжка,

Куда ведёшь?
Как горько мне, как тяжело...
(*Идёт, стеноя, за толпой, которая
несёт гроб.*)
Душа безвинна – жизнь нехороша...
Прости меня, супруга дорогая!
Недолго длился брак наш,
Жанылдык...
Я опустел... Душа моя пустая...
Я сам себя схватил за воротник...
Свирепее зверей мои аскеры,
Жестокие, не знающие меры –
Не пощадил даже и меня,
Кагана своего... О, что мне делать?
Позорней нет сегодняшнего дня!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Картина третья

Кладбище. Ясы. Похороны Ученика
и Жанылдык. Виден мазар.
Там покоится Хазрет-Султан Ходжа
Ахмед Ясави.

Третий дервиш (Заин-эд-дин)
(*заканчивает читать заупокойную
молитву*)
...Агуз билла минашайтаниражим
Бисмилла иррахман иррахим
Кулхуаллаи ахад
Аллаху ассамад,
Лям яму уламюд улам якун
Ляху куфун ахад.
Субухан рабина рабил гизаты гямма
Асипун ослан мурсанин,
Альхамиды лилаяхи рабил галамин...
Аумин!

После молитвы люди начинают
расходиться. Кое-кто поклоняется могиле
Хазрет-Султана Ходжи Ясави, чтобы
получить благословение святого; кто-то
пытается отломить кусочек кирпича
мазара.

Голоса

– О наш святой отец, благослови...
– Нельзя могилу разорять святого...
– Бери!
– Нет, ты сначала!
– Не гневи
Священных духов каменного крова!
– Никто не видит! Ну-ка, отломи!

Третий нищий (Заин-эд-дин)
(разгневан поступком вандалов)
 Остановитесь! Будьте же людьми!
 Не нарушайте тишину святыни!
(Отбирает кирпич, который один вандал держит в руках.)
 Эх ты, бедняга! Как баран в пустыне,
 Кидаешься на каждый камень. Брось!

Голоса

– Мы думали, он освятит нас светом...
 – Мы думали, к добру...
 – Как память это...

Третий нищий (Заин-эд-дин)
 Не смейте трогать! Ежели святой
 Разгневаается – станут маятой
 Все ваши дни, исполнены страданья!

Первый нищий (Аксак Темир)
(шейху Заин-эд-дину)
 Эй, нищий! Погоди! Ты кто такой?
 И почему даёшь нам указанья?
 А если знаешь, то скажи! Давай!
 Кто здесь лежит? И чья это могила?
 Что за святой? В чём гнева его сила?
 Скажи всю правду нам, а не пугай,
 И зря не трать на крик слова свои!

Заин-эд-дин

Хазрет-Султан Ходжа Ясауи!
 Сайрам прославлен
 множеством святых,
 И самый почитаемый среди них,
 Опора наша – Арыстан баба.
 Аллах призвал любимого раба –
 Вещателя Пророка, факел веры!
 Краса Земли, Краса небесной сферы,
 К тому ж души хранитель неспроста
 И сердца главная артерия от века
 Аксак Темира
 И владыки Кзыр-ата...

Аксак Темир

Хранитель? Кзыр-ата?
 Что ты несёшь, презренный нищий?!

Заин-эд-дин

Да! Хранитель!
 Защитник!
 Бог его и небожитель!
(И Аксак Темир, и все люди удивлены.)
 Аксак Темир не ведает про это...
 Всё, что он знает, наш Темир Аксак –
 Махать мечом! Повсюду сеять мрак,
 Чтоб умножалось горе без ответа!

Подлунный мир – от гор и до пустынь –
 Невиданными карами страшает;
 Всех женщин –
 превращает он в рабынь,
 И всех мужчин –
 в рабов он превращает!

Аксак Темир

Коль знаешь,
 что бы должен знать каган,
 То говори, открой все тайны, нищий!
 Даже гадалщик, что разгадку ищет,
 Кидая кости, лишь один туман
 В твоих словах увидит непонятных...

Наставник

Я подтверждаю:
 Речь твоя невнятна!

Аксак Темир

Так душу не трави и не молчи –
 На святость Бога прокляты нападки!
 Раскрой же тайну ты своей загадки –
 И рану в нашем сердце излечи!

Наставник

Ты доказательства нам предъяви,
 Скажи: что на Земле соединяет
 Хромца-злодея и святого Ясави?

Постепенно сцену окутывает мрак.

Заин-эд-дин

В то время,
 когда в край благословенный
 Пришла беда – взошёл на трон Жудай,
 И так вознёсся он в своей гордыне,
 Что усомнился в Боге! Волчьих стай
 Страшнее были – с этих пор доньше –
 Его потомки, веру позабыв,
 Жестокостью и дикостью покрыв
 Все земли и уделы Гулистана...

Слезами исходил наш Гулистан
 И умывался кровью неповинной;
 Кровавый меч тогда Законом стал:
 Решалось всё мечом и пикой длинной!
 Кровавым был и утренний рассвет,
 Кровавым было небо на закате,
 И в грозном полуденном раскате
 Предвестье было новых, страшных бед;
 И был затоплен плачем по ночам
 Дворец и Жудай-хана – палача!

Второе видение

Гулистан. Дворец Жудай-хана.

Часовой (*входит*)

Мой хан!
Тут Звездочёт, он из Стамбула,
Он просит дозволения войти...

Жудай-хан

Он из Стамбула, говоришь? Впусти!
Пусть входит! Любопытно, как он хочет
Увидеть нас глазами чужака?
Как разгадают тайны его очи?
И что расскажет в линиях рука?

Звездочёт

Я раб желаний ваших, о мой хан!

Жудай

Что принесло тебя в наш Гулистан,
Канбак-траве* подобно, в кущи рая –
Под купола дворцовые Жудая?

Звездочёт

Светлейший, сорок дней я был в пути,
Блуждая по пустынным Кызылкумам,
Но должен был я до тебя дойти,
Доверившись моим бессонным думам.
Душа светилась ваша, и сюда
Сияньем ваша привела Звезда!

Жудай-хан

Но что за свет ещё? Что за Звезда?
Покуда твоя душенька из тела
От моего меча не отлетела,
То говори быстрее!
Ну, скажи:
Какие ты там видел миражи?

Звездочёт

О Жудай-хан!
Мудрейший среди людей!
Заблудших щит,
Несчастных любодей!
Ты создан Богом по Его подобию,
Так дай же одинокому, как я,
И редкому среди буден бытия,
Прийти в себя!
Пусть бедный Звездочёт
Тебе послужит, как и твой народ...

Жудай-хан (*обрадовался*)

Подайте ему разные напитки!
Щербет сладчайший!

Звездочёт (*насытившись и утолив жажду*)

О мой Жудай-хан!

(Кругом обходит хана, призывает всех святых, входит постепенно в транс, начинает говорить беспрестанно.)

Мне Родословия открыты свитки...
От Абылай-хана – Бакыр-хан,
От Бакыр-хана – был рождён Азхан,
Потом Кок-хан – потомок от Азхана,
А от Кок-хана – златоуст Богда,
Сладкоречив, текуч был, как вода...
От Богда-хана – соловья Земли –
Потомки Карахановы пошли;
От Карахана – будет Кунэмир,
От Кунэмира – будет Бурылхан,
От Бурылхана – знаю я – Шамши,
И, как бы мне враньём не согрешить –
Шамши был пращуром
потомков Чингисхана;
Средь них стрелок первейший –
Кашудай,
Удачливый охотник – Турымтай...
А Жудай-хан... Я вижу: Хан Жудай...
Стал хлесткою камчою Чингисхана,
Снискав богатство, славу и почёт...

Жудай-хан (*удивлённо*)

Откуда ты всё знаешь, звездочёт?

Звездочёт (*продолжает, не останавливаясь*)

Открой моим словам правдивым уши,
Что мне явилось – ты теперь послушай:
Отметил ты четвёртый свой мушель*,
И девять верных жён луноподобных
С тобою делят брачную постель;
Есть у тебя тринадцать дочерей,
Пятнадцать сыновей. Всего ветвей,
Коли считать,
то выйдет тридцать восемь...
Назад три года наступила осень –
И стало больше на душе тоски,
И поседели у тебя виски,
А год назад – зима посеребрила
И бороду твою... Угасла сила...
Жена седьмая и жена вторая
Ещё пустые... уж который год...
О наш Создатель! Не прерви сей род!
Токал любимая, пришедшая из рая,
Бесплодна... А вы сами...
вы... мой хан...
Давно уже болеете чесоткой...

Жудай-хан

Эй, ты, бродяга! Под мою плёткой
Немедля скажешь: где ты всё узнал?

Звездочёт

О благородный хан мой, не гневись
И не печалься! Подказала жизнь,
Как по лицу и виду человека
Разведать, что записано о нём:
От первых дней и до скончания века;
Что было прежде, что придёт потом...
Зима и лето, осень и весна –
Не знает этот круг природы сбой.
Судьба любому на Земле дана:
Ни смерд, ни хан
Не властен над Судьбою!
Я только тот, кто видит знак Судьбы
И кто читать умеет её знаки...

Жудай-хан (самому себе)

Да... Да! Похоже, дар есть у собаки,
И правду этот дьявол говорит!
*(Признаёт все слова Звездочёта,
обращается к нему.)*
Ну что ж, не зря Звезда моя горит!
Всё правда! Всё ты правильно сказал!
Всё так... Давно чесоткой я страдаю...
Всё тело в язвах...
(Что-то вспомнив, с надеждой.)
Может, средство есть,
Чтоб исцелить мой зуд и язвы эти?

Звездочёт (вынимает лекарство из коробки)

Я много чего ведаю на свете,
И в силах побороть я ваш недуг.
Вот это... из моих возьмите рук...
(Передаёт Жудай-хану лекарство.)
Намажьте перед сном, но пусть втирает
Сие лекарство нежною рукой
Красавица, ваш посетив покой...

Жудай-хан

Так, так...
Садись, садись ко мне поближе –
К гостям почётным. По всему я вижу,
Ты добрый человек и зоркий глаз.
Тебя к себе Правитель приближает –
Ты мне по нраву!
(Дежурному визирю.)
Что он пожелает,
Целитель сей – исполнить тот же час!
Чапан наденьте на него – не в меру
Пусть будет золотым украшен зером!*

*(Звездочёт, надев богатый халат,
устраивается среди почётных
гостей.)*
Добро пожаловать, волшебник мой!
Добро пожаловать, мой предсказатель,
По лику человеческому гадатель,

Посланник Бога! Истинный святой!
(Показывает ему свои ладони.)
Теперь скажи-ка ты, провидец мой,
Всю правду и о дне моём грядущем:
Что ждёт меня
в житейской тёмной пуще?
Какие муки гонятся вослед
За моим счастьем? Сколько ещё лет
Осталось жить?
Что приведёт к кончине?
Кто сядет на престол? Кто отодвинет
Меня от трона золотого? Чьей
Добычей стану? Кто, от крови злей,
Моих прекрасных, юных дочерей
В рабынь ничтожных превратит,
И в рабство
Продаст моих достойных сыновей?
Ну, говори!

Звездочёт (внимательно рассматривает его ладони)

О благородный хан мой, не гневись
И не печалься! На ладонях нежных
Записана вся человека жизнь:
В тех линиях Судьбы,
в тех неизбежных
Посланиях, начертанных Судьбой...
Весной и летом, осенью, зимой
Нам не уйти от тех предначертаний –
Вся на ладонях жизни нашей нить.
Но, может быть, не будем говорить
О будущем? И вмешиваться ныне
В дела Аллаха?

Жудай-хан

Перестань хитрить!
И не мудри, мудрец, куда в дыне
Твоей башки душа ещё живёт!
Эй, не ленись! Выкладывай расчёт,
Что ты увидел на моих ладонях.
Что ты узнал?
(Вынимает меч из ножен.)
Ну, быстро говори!

Звездочёт (пристально глядит на ладони хана, поневоле говорит)

Начертано на них... вот... посмотри:
Лежат следы двадцатилетней жизни...
Здесь двадцать всен...
Двадцать летних лет...
И девятнадцать осеней багряных...
Увидишь ты в грядущем –
сам взгляни! –
Лишь светлые, безоблачные дни!

Жудай-хан (ему мало)

Зачем, скажи, мне видеть наяву

Лишь девятнадцать осеней
мгновенных,
И среди смертных, и среди нетленных
Зачем лишь двадцать лет я проживу?
Всего-то-навсего коротких
двадцать лет...

Звездочёт

Хотите – верьте, а хотите – нет,
Но так, мой хан, записано...

Жудай-хан

Раскрой
Мне эту тайну – отчего умру я?
Где выроет могилу землерой?
Скажи всю правду, у Судьбы воруя,
И не оглядывайся на меня!
(Выхватывает меч.)
Ну, говори! Пока к исходу дня
Не стал ты трупом, говори, кудесник!

Звездочёт

Твоя Звезда – моих прозрений вестник,
А так-то мои знания малы...
Твой предок самый близкий – Касулы...
От Караши – родился Улыкши,
От Улыкши – родился Тарнажи...
От Тарнажи – родился Тарагай...
Он в Алмалы... Там яблоневый рай...
Жена его зовётся Дарига...
И на лопатке правой у неё
Есть родинка – величиною с палец...
И уши чуть с изъяном у неё...
Беременна... И чреву её дан
Ребёнок семимесячный... Мой хан,
Ребёнок этот в материнском чреве –
Твой ужас!
Он не пожалеет хана –
Убьёт его! Зарежет, как барана!
Всё разгромит меж небом и землёй!
Всё разорит, что будет под пятой!

Жудай-хан *(мрачнеет)*

Ну, говори же!

Звездочёт

Вот... я это вижу...
В злонравии своём ребёнок тот
Туклука – дядю твоего – убьёт,
И установит он свой каганат,
И золотой твой трон, что по наследству
Передавался двести лет подряд,
И правила там двадцать поколений –
Отдаст своим он, твой заклятый враг,
И свалит он, глумясь,
твой пёстрый флаг,

Разрушит твой дворец,
И в пыль сотрёт
Всех подданных твоих,
И плач сирот
Услышит мир...
И всё, что по крупицам
Ты собирал –
Всё прахом разлетится:
Твоё богатство,
Власть,
Авторитет...
И твою славу, что Горе подобна,
Он втопчет в грязь...
Потопит в бездне бед...

Жудай-хан *(ужас охватывает его)*
Ублюдок! Замолчи!

Звездочёт *(вошёл в транс)*

Нет, хан мой, слушай!
Я до конца всё выскажу теперь.
Я ж говорил: не отворяйте дверь
В закрытое... Ведь человеческим душам
Уж лучше не касаться Божьих дел:
Не знающим свой будущий удел
Покой даётся... Только ты, безумный,
Смертельной болезнью заболел!
Ты в раж вошёл...
Меня ты не послушал!
Теперь – прости...
Ты правды захотел!
(Появилась пена на губах.)
Покуда жив –
предвестье станет былью:
И злато превратится в медный грош,
И всё, что съешь –
казаться будет гнилью,
Всё, что сглотнёшь – к
азаться будет пылью,
И насыщенья больше не найдёшь!
Стреножат тебя страхи в дни и ночи,
И не дадут сомкнуть спокойно очи,
Привяжут без верёвки, прикуют
К постели смертной –
в плен тебя возьмут!
Всё будет так, как я сказал – увидишь!
Судьбой твоей уже начертан путь –
Он сбудется! С него уж не свернуть!
Всё будет так, как я сказал – увидишь!

Жудай-хан *(часовым)*

Заткните рот безумному кликуше!
Чапан с зером сорвите с его плеч!
В глазах горящих погасите душу!
Язык змеиный пусть отрежет меч!
Пусть будет он мычать скотом отныне!

А голова подобна будет дыне,
Иль тыкве без отрезанных ушей!
*(Часовые устремляются к
Звездочёту.)*

Звездочёт

Мой горький хан, во власти я твоей!
Унизить можешь, можешь уничтожить,
Но, как и я, не властвуешь ты тоже
Над предопределением Судьбы!
В твоих руках я, но и в руках Божьих...
Он всемогущ! А мы – Его рабы...
Он может делать всё, что Сам захочет!

Жудай-хан

Взять болтуна!
*(Часовые уволокли Звездочёта.
Хан самому себе.)*
Нет! Нет! Он нас морочит...
Всё это ложь... Беду я изведу –
Ребёнка семимесячного в брюхе,
И никогда он не увидит свет...
Да! Да! Таков Судьбе моей ответ!
(Кричит истошно.)
Аскер! Где вы, нерасторопные старухи?
Ко мне, аскеры!

Военачальник *(входит)*

Слушаю, мой хан!

Жудай-хан

Скачите в Алмалы, и Тарагая
Найдите там, и вместе с Даригой –
Женой его – из яблоневого рая
Берите в плен! И, натянув узду,
Тащите их немедленно в Орду!

Ханский дворец медленно тонет
во мраке.

Голос Звездочёта

О Жудай-хан, остынь, мучитель мой...
Так было предначертано Судьбой...
Не мучай же меня... остынь...
не мучай...

Голос Первого нищего (Аксак Темира)

(Заин-эд-дину)
Зачем ты вспомнил
этот страшный случай?
Зачем ты травмишь душу, что болит,
Что проклята и так суровым Богом,
А лучше её раны, хоть немного,
Пускай разгадка тайны исцелит!

Голос Наставника-Кузнеца

*(он потрясён историей Жудай-хана
и Звездочёта)*
Давай, разгадку эту назови:
Какая тайна намертво связала
Аксак Темира с вещим Ясави?

Голос Заин-эд-дина

В то время слёзы лились через край...
В то время возгордившийся Жудай
Стал сомневаться во всемогуществе Бога;
В то время на заброшенных дорогах
Убитые валялись здесь и там...
Жестоким уподобившись зверям,
Потомки хана всех вокруг терзали –
И меры своей ярости не знали...
В то время из пределов Алмалы,
Умытые кровавыми слезами,
Бежали все, пока ещё целы,
С детьми бежали и со стариками...
Хан Тарагай с народом муки нёс,
И Дарига – жена его младая –
На муки была отдана врагам...

Сумрак во дворце хана отступает.
Военачальник вводит в Орду двух
связанных по рукам и ногам пленников –
Тарагая и беременную Даригу.

Военачальник

Мой Жудай-хан! Докладываю вам:
Мы разгромили крепость Алмалы!
Сожгли её до пепла, до золы,
Нашли мы Тарагая – пленник твой
Перед тобою со своей женой.
Мы привели их, хан мой, наконец
В твой золотой,
в твой царственный дворец!

*Жудай-хан (обходит Тарагая и
Даригу, как бы проверяя и уверяясь,
что это они)*

Всё истинно! Всё правда!
Так и есть!

Тарагай

Не понимаю, хан, я твою месть.
Чья клевета, безжалостна и зла,
Беду на наши души навлекла?
Какого ты наслушался невежду?
И, потерявши веру и надежду,
Устал искать я правду... И теперь
Перед тобой стоим мы...
Гнев умерь!

Жудай-хан (*показывая
Военачальнику на Тарагая*)
 Пусть замолчит! Ему теперь к лицу
 Лишь саван, предназначенный слепцу,
 Немому и глухому мертвецу!
 Пусть саван надевает, чем рядиться
 В блаженного и жалкого провидца!
 Хребет ломайте! Перебейте кости!
 Отрежьте уши и собакам бросьте!
 И поднимите свой разящий меч,
 Чтобы под корень и язык отсечь!
*(Указывает на Даригу, которая
бросилась защищать мужа: Часовые
тащили его на казнь.)*
 А вот её разденьте донага!
 Яви мне своё тело, Дарига!

Ханские палачи бросились к ней,
 разорвали на ней одежду, оставили
 голой. Хан обходит её, стоящую, подобно
 обнажённой Эве.

Всё верно! На лопатке её правой
 Родимое и тёмное пятно –
 Величиной с мизинец мой оно;
 Отметину я вижу и на ухе –
 Оно с изъязном...
 Метка и на брюхе –
 Беременна... И в чреве у неё
 Таится семимесячный ребёнок...
(Страх Жудая увеличивается.)
 Неужто наказание моё
 И смерть моя в его руках с пелёнок?
 Не быть тому! Не совершится! Нет!
 Младенец не увидит белый свет!
(Часовым-палачам.)
 А ну-ка, прямо на моих глазах
 Ей голову снесите! Я на прах
 Хочу налюбоваться!

Ханские палачи готовятся казнить
 Даригу.

Нет! Постой!
 Остановитесь! Гневный разум мой
 Не верит вам, глушцы и остолопы!
 Я сам... Хочу убить её я сам!
 И жизнь себе продлить...
 И жизни тропы
 Очистятся от ведьмина плода...
*(Начинает бить и душить Даригу.
Пинает по животу, стараясь убить
ребёнка, который находится в её
чреве.)*
 На! На тебе!
 Лишь так я без труда

Спасусь от злой,
 предсказанной напасти,
 Освобожусь от страхов, и от власти
 Смертельной и мучительной тоски,
 Которая, как предсказал провидец,
 Сжигать придёт до гробовой доски!
 На! На тебе!
*(Устал, воочию убедился, что Дарига
умерла.)*
 Уф! Кончено! Я чист!
 Я чист, воде подобно в речке горной!
(Часовым.)
 Убрать! Глядеть глазам моим зазорно
 На эту падаль!
*(Часовые уносят бездыханное тело
Дариги.)*
 Всё! Свободен я!
(Успокаивается, радуется.)
 Нашла свою ты жертву, смерть моя!
(Смеётся.)
 Ха-ха! Теперь я сам себе властитель!
 Сам Бог! Сам господин! Сам
 Повелитель!
 Ха-ха, ха-ха!

Видение исчезает.

Продолжение картины третьей

Заин-эд-дин
 Холодной осенью случилось это...
 В одну из волчьих, сумрачных ночей,
 Когда ни зги не видно до рассвета...
 Луна кривилась саблей палачей,
 Худела, млела, становилась старой...
 И звёзды тихо плакали тогда...
 Со стороны подветренной – мазара,
 Где Ясави покоится – сюда,
(Всем показывает.)
 Да, вот сюда,
 В ту ночь нукеры хана
 И притащили тело Дариги,
 И бросили... Лежала бездыханно,
 Но сердце ещё билось у неё...
 Прерваться не хотело бытие...
 Стучало сердце... Родовые схватки
 У Дариги несчастной начались.
 И родила она! И эта жизнь,
 Со смертью споря, оказалась хваткой...
 И содрогнулось громом Мирозданье!
 И потеряла наша Степь сознание!
 Простор безмерный разум потерял!
 Никто вовек такого не видал:
 Ни цепь холмов, ни жёлтая дала*,
 Чтоб мёртвая ребёнка родила...

Как оказалось, в тот зловещий вечер
 Пинки Жудая нанесли увечья
 Младенцу в чреве матери родной:
 На ножку правую он стал хромой,
 А левый глаз его погас навеки...
 Так раньше срока родилась на свет
 Жудая гибель! И отмены нет
 Решению Судьбы и Божьей силы!
 Со стороны подветренной – могилы
 Святого Ясави – родился он,
 Кто сокрушит потом Жудая трон!
 Узнав жестокость человечью рано,
 Стал сам потом безжалостным
 тираном...

Младенец плакал...
 брошенный... один...
 И спас его безвестный бедуин,
 Услышав плач несчастного ребёнка.
 То ли уж Кзыр-Баба святой ему помог,
 То ль дух святого Ясави, то ль Бог,
 Но был спасён ребёнок для потомков.
 Ребёнок тот – есть наш Аксак Темир!
 Хозяин наших душ и всей Вселенной!
 Не с неба он свалился
 в мир сей бранный,
 Не верблюжонок он, что возростал
 На молоке верблюдицы, на ласке...
 Богатым стал. И всемогущим стал.
 Жил в благолепии, как будто в сказке,
 Но угаил, что он не знал любви,
 И позабыл, как видно.
 Ясави...
 И Кзыр-Баба, и Ясави блаженный –
 Его основа, столп благословенный,
 Что держит жизнь его! Святой исток!
 И для молитв они отныне – Бог!
 И для поклонов благодарных – Бог!
 Для покаянья в скорби сокровенной!

Хазрет-Султан Ходжа Ахмед Ясауи...
 Сложил он кости бранные свои
 В заброшенной людьми могиле старой,
 И осыпаются углы мазара...
 Иссохли мощи. Заросли травой.
 О люди!
 Здесь покоится святой,
 И поклоняться вы должны святыне!
 Пока святой не будет ублажён
 Почтением – его священный сон
 Не даст живым
 счастливых дней отныне!

Голоса

– Но если так, скажите, отчего
 Наш Повелитель позабыл его?
 – И не поставит мавзолеей над прахом

Кзыр-Ясави?
 – Пусть одноглаз и хром,
 Прекрасным стал бы он перед
 Аллахом!
 – Кто не ответил на добро добром –
 Животным уподоблен, свиньям вроде...
 – Где знание обычаев, завет
 Отцов и дедов, что живёт в народе,
 Чему младенцев учат с ранних лет?

Первый нищий (Аксак Темир)

Эй, тише! Не беснуйтесь!
 Кто вы есть? –
 Отбросы человеческие, падаль!
 Вас множество, вас всех не перечесть,
 А Повелитель – он один! Не надо
 Судить его на свете одного,
 За то, что он не ведал ничего.

Толпа начинает расходиться.

Кто Истины не знает – значит, тот
 Пьёт яд обмана, думая, что мёд...
(Самому себе.)
 Исходит сердце кровью у меня,
 Кого во чреве, на исходе дня,
 Злодей Жудай когда-то искалечил,
 Полуслепой хромец, бедою мечен,
 Горю огнём! Один, всегда один!
*(Узнаёт Заин-эд-дина, который тоже
 собрался уходить. Хватает его за
 руку.)*
 Пстой! Останься, нищий бедуин!
 Хочу с тобою обойти весь город!
(Оба исчезают в темноте.)

Картина четвёртая

Мавераннахр. Совещание в Орде.

Аксак Темир (задумчив)

Аллах – един! Могущество Его –
 Свет Истины! Нет выше ничего!
 Пришедший в светлый мир из темноты
 Смерд – раб Господень!
 Раб и я, и ты!

Измученный гордыней, лишь сейчас
 Вошёл я в разум – душу свою спас:
 Признал себя рабом перед Аллахом!
 Хотя я, став могущественным, мог
 Сказать, что я есть настоящий Бог,
 Дыханьем управляющий и прахом.
 Всевышний помогает потому
 Любимому рабу, что ведь ему
 Достался ад ещё и до рождения;
 Узнал он горе с первого мгновенья,

Как появился он на белый свет...
 Забвения тому веки нет!
 Такая выпала мне горькая судьбина...
(Обращается к шейху Заин-эд-дину.)
 Наверно, в том Судьба была повинна,
 Что так предначертал жестокий рок...
 Из мёртвой плоти я родиться смог...
 Из ничего...
(Идёт по следам высказанной мысли.)
 О если б в жизни длинной
 Был уничтожен слабый Человек,
 Который убегает весь свой век
 От испытаний, выделенных Богом –
 От своей доли трудностей и бед!
 Есть Человек – но Человека нет...

Чуть над его засветится порогом
 Звезда Удачи: станет он богат,
 Как в сытости вмиг забывает Бога
 И презирает всех, кто бедноват!
 Что совершит такая вот порода
 Хорошего, коль будут у народа
 Бразды правленья?
 Что? Коль сей народ
 Рождается рабом, ума лишённый
 С младенчества?
 Безумством поглощённый,
 Он буйствует, коль одолеет Зло;
 Невежеством он гасит жизни пламень;
 Как грязь с водой Бог
 превращает в камень,
 Так и грехи его с его добром
 То сходятся, а то враждуют в нём.
 Он Божие подобие – и раб...

Прощает Бог его за то, что слаб,
 Как и отец дитя своё прощает –
 И Добротой к Добру Он возвращает
 Заблудшее, несчастное дитя...

Узнал я поздно кзырство Ясави
 И мудрость моего Заин-эд-дина;
 Возрос без материнской я любви
 И сокровенных чувств отца и сына –
 Их у меня с начальных дней не стало...
 Жестокость меня с детства воспитала –
 И, кажется, посеяны сполна...
 Во многих странах смерти семена...
 Я сеял их! О том теперь жалею...
 И, кажется: напрасно проливал
 Я кровь батыров... Под рукой моею,
 От подлых дел моих народ устал...
 И, кажется: я Бога позабыл...
 И, кажется: свой растравляя пыл,
 Я не заметил, как велик могучий
 Язык народов тюркских, как велик
 И сам народ!
 Я к языку привык

Мечей и пик, и смертоносной бучи!
 Я больше понадеялся на них...

Я сделал жертвой замыслов чужих
 Упорную восточность Чингисхана,
 В угоду счастья Запада! Восток...
 Восток и Запад...
 Бедствия с Востока...
 Для Запада он ужаса исток...
 Восходит моё солнце одиноко
 От гор восточных, от моих степей –
 И пропадает в западных пределах...
 Никто не встанет на его пути!
 Один лишь Бог даёт ему взойти,
 И, ночью погасив, вновь возвращает
 От западных пределов – на Восток!
 Как мне исправить жизнь мою?
 Бог знает...
*(Оглядывается Орду, грустит,
 печалится, обходит кругом золотой
 трон.)*
 Все знают цену трона золотого...
 Цена известна славы мудрослова...
*(Не может никак освободиться
 от тяжёлых мыслей, разъядающих его
 душу.)*

Душа моя куда ещё в теле,
 Что ждёт меня в грядущем? Неужели
 Я проживу вот так, горя в огне
 Гнетущих мыслей?
*(Видит Книгу – Коран в руках Заин-эд-
 дина. Вдохновляется.)*
 Нет! Ещё во мне
 Есть силы!
*(Берёт Книгу из рук шейха, целует и
 поклоняется ей.)*

Проповедовать я стану
 Свет Истины, что нам принёс Пророк!
 Из спин неверных вырезать я стану
 Ремни!

*(Выпрямляется, голос его набирает
 силу.)*

Великим сделаю Восток!
 Мавераннахру я верну величие!
 Могуществом прославится страна,
 Ей Солнце поклонится и Луна!
 Разрозненная прежде стая птичья –
 Народных мыслей шумная волна –
 Единой станет! Разорённый мир
 Я подниму и заново построю!
(Раскрывает Книгу.)

Заин-эд-дин *(поддерживает его
 замысел)*

Всё правильно!
 Я радости не скрою!
 Жизнь праведника –
 вот достойный путь.

А кто без веры – в том пустеет грудь,
В том нет души... Тот не имеет крыл...

Аксак Темир *(читает)*

«...Своих рабов Создатель удивил:
Одни – богатые, бедняки – другие,
И все – от Бога!..»

Заин-эд-дин *(читает наизусть,
продолжая то, что вычитал Аксак
Темир)*

«Помыслы благие
Угодны Богу.
Щедрую рукой
Вы милостыню нищим подавайте,
И горемык несчастных защищайте,
Ибо их тоже создал наш Аллах...»

Аксак Темир

«Усилья ваши обратятся в прах,
Коль станет вам опорой тупица;
Но хоть и вздорен он – не надо злиться
И думать только о себе самом;
Даже тогда, когда в пути земном
Возвысит вас, счастливых,
трон по праву,
К ногам народа положите славу,
Слугой народу станьте своему...»

Заин-эд-дин

«Как раб, служите вы в его дому:
И золу выносите, и вносите
Дрова сухие, чтоб разжечь очаг.
Мир лицемерен. Другом смотрит враг.
Нет службы выше,
чем служить народу...»

Аксак Темир

«Не будет счастьем обойдён лишь тот,
Кто указанья Господа поймёт;
Кто будет в послушании покорным;
Не будет обойдён удачей тот,
Кто молится Творцу, поклоны бьёт;
И не считает час молитв зазорным...»

Заин-эд-дин

«Не забывайте: по уму и вес –
Тяните ноги ровень с одеялом...»

Аксак Темир

«Не согреси, о, Человек, и в малом.
Пусть не прельстит тебя проныра-бес
Украсть чужое, даже и верёвку,
Что без присмотра брошена была;
Возрадуйся тому, что жизнь дала,
Что есть в руках...»

Заин-эд-дин

«Ведь рано или поздно
К любому Человеку смерть придёт,
В его глаза она посмотрит грозно,
Потом петлёю горло захлестнёт...»

Аксак Темир

«Не забывай, что мир сей лицемерен,
И не для всех его открыты двери.
Здесь часто задыхается мечта,
И здесь надежда гаснет...
Не дай, Боже,
Чтоб тот, кто был безумен и ничтожен,
Могучим оказался! И уста
Народа восхвалять владыку стали,
И даже ты, как все, его хвалить,
Той ложью осквернёнными устами!

Повелитель закрывает Книгу
и застывает молча. Входит Часовой.

Часовой

Повелитель мой! По вашему приказу,
Явились два художника сейчас:
Аль-Сапари ибн Отырари
И Аль-Шахани ибн Гулстани,
Ждут повеленья вашего они,
И, кажется, вам принесли подарки...

Аксак Темир

Скажи, пусть входят!
(Самому себе.)
В этом пеkle жарком
Я наковальню, кажется, нашёл,
Где жизнь мою и каждый мой глагол
Перековали в чистое искусство!

В Орду входят художники и отдают
поклон Повелителю.

Аль-Сапари ибн Отырари

(не изменяя гордого вида)
К услугам вашим, Повелитель мой!

Аль-Шахани ибн Гулстани

(падает к ногам Повелителя)
У ног я ваших, Повелитель мой!
Склоняю голову перед величьем
вашим!
*(Развязывает шнуры на холстине
принесённого подарка.)*
Вот! Творенье рук моих –
Не будет краше! –
Ваш лик на белом, чистом полотне,
Весь в золотом, сияющем огне,
Подобный Божеству! Таким вот ликам

Людишки русские
по всей Руси великой
Поклоны бьют и молятся. Взгляни!
Вот... Мною нарисовано... Все дни
Сию картину я писал усердно
И поспешил доставить к вам, в Орду!

На полотне – вылитый Аксак Темир,
изображённый в полный рост: левый
глаз слеп, правая нога – искалечена.

Аксак Темир (*разглядывая свой
портрет, приходит в ярость*)
Кто сей уродец? Богом на роду
Ему написаны страдания и печали.
Он проклят небесами! Это кто?
Полуслепой хромец, узнавший рано,
Что он убудок?
Кто, скажи мне, кто?
Тот, у кого душа и тело в ранах?

Аль-Шахани ибн Гулстани
Портрет... Нет, нет...
Он ваш...
И он правдив...

Аксак Темир
По телу расползаются, как яд,
Все краски!
Лживым золотом горят!
Кабаньи эти, грубые ужимки...
Твоей рукой бы рисовать картинки
В базарной лавке: так крива она,
Картина эта, через край полна
Дешёвых мыслей...
Тупость... Серость... Вялость...
Тебе в Орде не место! Оказалось,
Просил я Подозрение само
Мне душу успокоить... Оказалось,
Что ей природой это не дано...
Оказалось,
Просил я Подлость сердце пожалеть,
Утешить – ведь слезами исходило
Оно с рожденья... Не считал виной
Господь Всевышний с самого начала,
Чтоб красным –
красное моя душа считала,
А белое – считалось белизной...
Оказалось, наказан горько я
за опыт мой...
Всевышний посмеялся надо мной,
Над этими познаниями моими!
И, может быть, мне выколоть глаза
Тебе, художник? Или наказать
Твой род и уничтожить твоё имя?
Коли в колодец упадёт кулан,

То забавляются его ушами
И малые лягушки... Много ран
Мне нанесли, но эта всех больнее...
Часовой!

Приближается Часовой. Повелитель
указывает на Аль-Шахани ибн Гулстани.

Схватить его!
Вон с глаз моих долой!
И отрубите руку вы невеже!
И выколите подлые глаза!
И выкурите дух его несвежий!
И выгоните вон! Пусть небеса
В других краях глядят на бездарь эту!

Художник Аль-Шахани ибн Гулстани
кричит во весь голос, просит о пощаде,
умоляет даровать ему жизнь, но Часовой
силой уводит его. Повелитель смотрит
вслед художнику, потом поворачивается
к Аль-Сапару ибн Отырари, как будто
ничего не случилось.

Ну-ка... Ближе к свету!
Свой узелок волшебный развяжи...
(*Не выдержав, приближается к
художнику, который возится с
портретом, пытаясь вынуть его из
обёртки.*)
Ну-ка, покажи,
Посмотрим, как тебе удался лик?
И как проворно вертится язык?
И что душа надумала?

Портрет начинает освобождаться от
обёртки, и показывается кусочек краски.

А ну-ка...
Да, да, сейчас увидим...

Аль-Сапару ибн Отырари ставит перд
Повелителем освобождённый от обёртки
портрет. На полотне: Аксак Темир сидит
на коне, правой ногой упёрся в стремя,
прикрыл левый глаз, и,
сидя на белом коне, целится в лань,
выбежавшую из леса.

Заин-эд-дин
(*в потрясении*)
Поражён!

Аксак Темир
(*в восхищении*)
О, как прекрасен он!

Какое чудо! И какие краски!
 И вид какой!
*(Радостный, ведёт за руку Аль-Сапару
 ибн Отырари к шейху Заин-эд-дину)*
 О ты, наставник мой!
 Великий мой Учитель!
 Днём и ночью
 От скорбных мыслей не смыкал я глаз.
 И, кажется, я отыскал сейчас
 То, что мне нужно было – все
 Воочию увидят: Не берут меня года –
 Лицом я не состарюсь никогда.
 Теперь мне кажется,
 Что с радостью всегда
 Я буду рядом!
 Мой базар народный
 Вовеки не закончится! Лишь он,
 Лишь этот человек высокородный,
 Своим талантом взял меня в полон,
 Когда такое чудо сотворил,
 Достойный сын отца Отырари!
 И сбудется теперь мечта благая,
 Мой замысел... Да, да, теперь я знаю,
 Что мастера послала мне Судьба:
 И Ясави святой, и Кзыр-Баба –
 Два светоча священного ислама –
 Получат их достойный мавзолей!

Заин-эд-дин *(ещё раз внимательно
 рассматривает полотно)*
 Всё верно говоришь, мой Повелитель!
 Свет Истины есть в мудрости твоей!
 Какие краски! Как прекрасен цвет!
 Какое диво! И сомненья нет,
 Что создано руками человека
 Такое чудо!
 Коль теперь скажу
 Я больше, чем дозволено всем сущим,
 Пусть Бог меня простит:
 Стал всемогущим,
 Как Бог Всевышний, этот человек!
 Казах и сын казаха!
*(Ещё раз любовался на портрет и
 всем видом показал, что получил то,
 что хотел.)*
 Повелитель!
 Ты верно всё сказал, и если я
 Хоть что-нибудь в искусстве разумею,
 То завтра же взойдёт Звезда твоя!
 Буквально завтра...
 Вместе с мавзолеем!
 Поднимется волшебный мавзолей,
 Который он, художник твой, построит!
 По всей Земле и во Вселенной всей
 Он миру имена святых откроет!
 И Кзыр-Баба,

И вещей Ясави
 К нам возвратятся – с вестью о любви.
 По красоте не будет равных в свете,
 Чем этот мавзолей, святые эти!
 И вместе с ними, в общий наш Отан*
 Бессмертие придёт!

Аксак Темир *(открывает Коран и
 снова читает ту же суру)*
 «Не забывай, что мир сей лицемерен,
 И не для всех его открыты двери.
 Здесь часто задыхается мечта,
 И здесь надежда гаснет... Не дай Боже,
 Чтоб тот, кто был безумен и ничтожен,
 Могучим оказался! И уста
 Народа восхвалять владыку стали,
 И даже ты, как все, его хвалить
 Той ложью осквернёнными устами...»
*(Удивившись словам Книги, самому
 себе.)*
 Как много в Книге правды и участия...
 Нежданны беды... И нежданно
 счастье...
 Всё понимал, и всё провидел Он...
*(Приходит в себя. На Аль-Сапару ибн
 Отырари смотрит без сомнения.)*
 Ну что же, драгоценный ключ времён
 Теперь в твоих руках!
 Послал Аллах мне мастера!
 Ты будешь самым главным
 Художником в деянии сем славном,
 И потому исполни мой приказ:
 И с Запада, и с древнего Востока
 Ты золотые руки призови –
 Всех лучших мастеров!
 И пусть потоком
 Текут они – во славу Ясави!
 Сомкнутся пусть потоки в Гулистане,
 Чтоб строить мавзолей;
 Пусть Ясави –
 Правителя божественный хранитель,
 Обрёл бы здесь достойную обитель!
 Свою же долю – посади на трон,
 Надень корону – своему величию;
 Надень тумар*, чтоб зло со всех сторон
 Не тронуло тебя; и по обычаю,
 Украсься пёстрым филина пером –
 От сглаза чёрного, дурного; а потом
 Ты ловко и затейливо продень
 Через угольное ушко своё искусство,
 Чтоб показать всё мастерство своё
 и чувства;
 Работай неустанно ночь и день,
 Пусть удивляет всех твоя сноровка;
 Пусть кирпичи, их тайная формовка,
 Останутся загадкой для веков –

Из них построишь для святого кров!
 Пройдя через пустыни, через реки,
 Пусть глину привезут тебе из Мекки,
 Что нам Звездой сияет вдалеке;
 Замесят на кобыльем молоке,
 Добавят волос из хвостов упругих
 Строптивых, светло-серых кобылиц,
 Чтоб крепок был кирпич!
 Потом по кругу
 Пусти орнаменты
 на изразцах нарядных,
 Чтоб любоваться было всем отраднo
 На мавзолее, спустившийся с небес,
 Чтоб стал он чудом средь земных чудес!

Пусть целый год там трудятся отныне
 Мои рабы, а с ними и рабыни,
 Не зная отдыха ни ночью и ни днём!
 Пройдут века.
 Жизнь сменится потом.
 Но пусть из поколенья в поколенья
 Передаётся дивный сказ о нём!
 Пусть в этой жизни,
 Трудной и мгновенной,
 Легендой он останется нетленной,
 И не погаснет красота его!
 Пусть ни ветра, ни звери – ничего
 Не тронут красоты!
 Пусть не разрушат
 Высоких стен нашествия врагов;
 Пусть стрелы молний не пронзят кров;
 Пусть смех гяуров не тревожит душу.

Ты так построй великий мавзолей,
 Чтоб купол прямо в небо упирался,
 А стенами бы он земли касался,
 Вростал в неё, упорнее корней –
 Чтоб ни печаль, ни плач не покачнули!
 Пусть у стоящих рядом, что взглянули
 На купола и высоту тех стен,
 Попадали б с макушки тибетейки;
 Пусть у глядящих издали гостей
 Червь заведётся зависти-злодейки:
 Лишит покоя, радости отнимет,
 Во сне и наяву пребудет с ними!

Аль-Сапари ибн Отырари

Склоняюсь перед вашим повеленьем,
 Мой Повелитель!

Аксак Темир

Каждое мгновенье
 Не забывай об этом целый год,
 Встречая солнце, проводив луну,
 А я пока отправлюсь на войну...
 Покуда будет длиться мой поход,

И занят буду я войной своей,
 Пусть вырастет прекрасный мавзолей,
 Который мир подлунный потрясёт!
 Когда ступлю стопой на побеждённых,
 Когда моя закончится война,
 Пусть встанет предо мной виденьем сна
 Тот мавзолей среди степей зелёных!

Аль-Сапари ибн Отырари

Склоняюсь перед вашим я решеньем,
 Мой Повелитель!
 Сделаем всё в срок!

В Орду входят эмир Барлас и эмир
 Бахрам, последний тащит что-то тяжёлое
 в мешке.

Барлас

Мой Повелитель!
 Дали мы урок
 Проклятому Хусейну:
 Разгромили
 Его Орду, и знамя повалили
 Зелёное его!
 Повергнут в прах
 Клубок коварства и предатель подлый!

Бахрам

Задуманное выполнили мы!

Бахрам поднимает мешок и вытряхивает
 из него содержимое – на пол падает
 окровавленная голова Хусейна.

Аксак Темир (узнав голову)

Как много горя и как много тьмы...
 Хусейн...
 Мой незабвенный, давний друг...
 Неужто высота – паденьем стала?
 Неужто, что победою блистало –
 Всё пораженьем обернулось вдруг?

Заин-эд-дин

(тоже оплакивает Хусейна)

Ты мало жил...
 Как плётки рукоять,
 Короткой жизнь была... И не связать
 Её концы в огромную дорогу...
 Пока был жив – походы без конца,
 А после смерти... Тело без лица,
 Позорное падение... Так рано...

Аксак Темир

Кто поднимает бунт против кагана –
 Против народа дерзко восстаёт,
 А кто против народа – значит, тот

Дерзнул подняться прямо против Бога!
А как сказать иначе? – Тот упал
С вершины мира,
С неприступных скал...

Заин-эд-дин

Беги того, кто проклят человеком;
Страшись того, кто Богом проклят был!

Аксак Темир *(всё ещё приходя в себя)*

Что это?
(Пугаясь мёртвой головы Хусейна.)
Это кто?
(Эмиру Барласу и эмиру Бахраму.)

Моргает веком...
Быть может, жив...
Быть может, не остыл...
Что сделали вы с ним?
Что натворили?
Ужасное деянье!

Барлас

Это? Он! Хусейн!
Ведь вы его приговорили
За то, что столько горя вам принёс!

Бахрам

Хусейн! Да, это он – смердящий пёс,
Который испоганил всё святое,
Всё чистое, что было у меня!

Оба вместе

Хусейн! Да, это он! В пылу огня,
Семь раз он враждовал,
Боролся с нами,
Семь раз был побеждён, и его зная
Семь раз повергли мы к твоим ногам,
О Повелитель!

Аксак Темир

Мой он... не отдам...
(Обнимает голову Хусейна, плачет.)
Хусейн... Друг незабвенный, неужели
Мой светоч жизни навсегда погас?
*(Эмир Барлас и эмир Бахрам
недовольны плачем Повелителя.)*
Да разве ж, олухи, просил я вас,
Чтоб отрубили голову Хусейну?!

Барлас *(растерявшись, заикаясь)*

Ты... ты... сам...

Бахрам

Ты сам, мой Повелитель!
Ты сам такое дал нам приказанье,
Сказал ты: «Смерть!

Достойным наказаньем
Хусейну будет только смерть одна!»
Так неужели есть на нас вина
За то, что не осмелились нарушить
Приказ твой?

Наши жизни, наши души
В твоих руках, ведь мы твои рабы,
Хоть, может, и жестоки, и грубы...

Аксак Темир

Я дал такой приказ?
Я приказал,
Чтоб отрубили голову бедняге?

Барлас *(окрепнув в своей правоте)*

Иначе не достало б нам отваги...
Вы лично этот отдали приказ!

Бахрам

Мой Повелитель! Так оно и было!
И ваша воля здесь, в Орде, решила:
Казнить Хусейна... И призвали нас...

Аксак Темир *(никак не может прийти в себя, самому себе)*

Как мог я столь жестокий дать приказ?
(Обращается к голове Хусейна.)

О бедный мой Хусейн –
Мой меч булатный!
Хоть воевал со мной ты семикратно,
Под моей кровлей став моим врагом,
Исподтишка раскачивал мой дом,
Но путь твой был другим –
Он был особым;
Об этом знали мы с тобою оба...
Ты мёртв сегодня –
кончился твой путь...
Подобно метеору, ты сорвался
С моих небес, сгорел –
И не вернуть!

Как мяч в лапте, что по полю гоняют,
Так круглая скатилась голова,
И мои руки нынче обнимают
Её! И бесполезны все слова...
Так мне и надо!
Что теперь мне делать?
Какая польза от пролитых слёз?
*(Снова направляет свой гнев против
эмира Барласа и эмира Бахрама.)*
Я приказал, чтоб голову принёс
Хусейна?

Что тебе в моём приказе?

Дай волю вам,
То вы в пылу старанья
Из всех в округе выпустите дух,
И перещёлкаете всех, как будто мух!

Что из того, что приказал я вам?
 О, лучше бы расстаться мне с душою!
 Эй, ты, Барлас!
 Эй, ты, эмир Бахрам!
 Не все приказы, посланные мною,
 Немедля, тут же надо исполнять!
 Неужто слепы вы в делах и чувствах?
 Неужто в душах, как в пустыне, пусто,
 И человеческой жалости в них нет?

(С болью.)

Аллах – один,
 И Истин Его свет –
 Могущество Его!
 А те, кто смертны –
 Его рабы,
 Его навеки смерды,
 И рабское сознание у нас:
 И я...
 И вы...
 Мною выданный приказ –
 Не высшее, не Божье повеленье,
 А ярости и гнева проявление
 У человека слабого, как я...
 Как может выдержать душа моя
 И сердце моё, чувствуя и видя,
 Что светоч друга моего погас?!

Барлас *(в оправдание)*

Но разорил Хусейн ведь этот нас,
 Разрушил наши очаги!

Бахрам

И в горе
 Жизнь превратил,
 Вливая в жилы яд!
 Заполнил юрты плачем, всех подряд
 Мытаря!

Аксак Темир

Эта правда – так и было...
 Моя душа, хоть плачет, не забыла:
 Испытывал терпенье он моё
 И отравил мне тоже бытие
 И лисьей хитростью,
 И склонностью к бунтарству...
 Все обещанья – был один обман...
 Змеиный норов был Хусейну дан,
 А у меня нет жалости к коварству!
 Но... Но...
 Хусейн, которого я знал,
 Всё ж иногда и стыд переживал,
 Ведь всё же он – и в том уверен я! –
 Не злая семижильная змея,
 Что, сдохнув, тут же оживает снова...
 Он ошибался... Падал... Но готова
 К раскаянью была его душа...

Кто прожил жизнь, ни разу не греша?
 И перед Богом каялся он всё же,
 И сердцем своим любящим страдал,
 И отрекаться, думаю, негоже
 От человека, что не раз упал,
 Но мог найти путь праведный в
 потёмках...

Кто умер – тот уже не оживёт!
 Хусейн... Хусейн...
 Зову тебя я громко,
 Но ты не слышишь...
 Ежели пройдёт
 Моя печаль, грехи твои забуду,
 Оплакивать тебя до смерти буду,
 И в моём сердце будет пустовать
 То место, что тебе принадлежало!
 Хотел бы богоданной я назвать
 Твою погибель,
 Только оказалось,
 Что жизнь была фальшивой у тебя...

Не знаю я, тоскуя и любя,
 Что делать мне,
 Когда и гнев, и жалость?
 И ненавижу – и хочу любить...
 Себе мне руку, что ли, отрубить?!

(Рыдает.)

Ой, Бахрам... Бахрам...
 Эх, Барлас... Барлас...
 Видать, шайтан-хитрец попутал вас...
 Как вы могли Хусейна обезглавить?
 Вначале в спор Хусейн вступить был
 вправе,
 Зачем вы с ним не спорили никак?
 Пропал Хусейн...
 Пропал за просто так...
 Коль у таких, как вы, шальных собак
 Хозяин я – чумной средь очумелых –
 То у таких волков заматерелых,
 Как был Хусейн –
 Хозяин только Бог!
(Причитает.)
 Хусейн... Хусейн...
 Ты был опорой мне,
 Ты мне помог,
 Когда я был калекой захудалым;
 И никогда ты не бывал усталым,
 Как и подошва толстокожих ног
 У вьючного, могучего верблюда;
 И я тогда без усталости нёс кладь!
 Как мне забыть тебя?
 Как проклинать?

Был челюстью ты головы моей,
 Колком на струнах моего шинака*.
 Жизнь без тебя темна, и нет темней,

И ты не дашь спасительного знака;
И как шалашик сторожа бахчи,
Жизнь опустела...
Как же мне в ночи
Не рвать от горя седину ковылью,
Когда беда подрезала мне крылья,
И чёрным стал источник голубой?
Глубокая вода – вдруг мелью стала...
Пуста моя душа...
Но, видно, мало
Испытан я безжалостной Судьбой!

О жизнь жестокая!
Тоска мне сердце гложет...
Неужто меня к каменному ложу
Ты приковала, как в горах поток,
Но отняла у горной речки силы –
И вьётся теперь слабый ручеёк...

Мир без тебя, мой друг – одна
пустыня...
Покуда кровь живая не остынет
В разбитом сердце –
Буду я страдать,
Под звуки кюя траурного...
Вспять
Не повернуть уж ничего отныне...
Один, как перст,
Я буду пропадать:
И на твоей жаре сгорать я буду;
Один, как перст,
Я буду замерзать,
И на твоём морозе гибнуть буду...

Эх, Хусейн... Хусейн...
Жизнь без тебя – не жизнь:
Одна пустышка...
Лишь только в плаче будет передышка
От горьких мыслей,
От мирского зла...
И день за днём сгорать я в горе буду,
Покуда не останется зола...

Повелитель, обняв голову друга, горестно
охая, падает лицом вниз. Шейх Заин-эд-
дин поднимает его, утешает, призывает
не падать духом, опомниться, читает
молитву.

Аксак Темир (*встаёт, качаясь, идёт,
берёт из рук Заин-эд-дина Книгу,
открывает и читает*)

Последняя сура:
«Земля – состарится
И Небо – истощится,
Коль человек, что быть великим тщится,

Деянья не изменит;
Если он
Рубить не перестанет свои корни –
То срок цветенья будет сокращён
У Древа Жизни;
Бытие его
На том и этом свете задохнётся,
И высохнет вода в его колодцах,
И сузится мир Божий для него –
Четыре стороны земного света;
И он тогда предстанет для ответа
Пред ликом Бога!..»

Затемнение.

Примечания

* *Искалеченный во чреве* – это Темир (Тамерлан, Тимур). Темир родился ослеплённый на один глаз, с перебитой ногой, и остался хромым на всю жизнь, поэтому к его имени намертво пристало слово: «Хромой» (отсюда Аксак Темир – Хромой Темир). Тамерлан означает: Тамер – искажённое от Темир, лан – парализованный, хромой. Он сам привык к имени Аксак Темир (Хромой Темир), именно поэтому автор называет его Аксак Темир (двойным именем, к которому ещё при жизни привык Темир). В переносном смысле: Темир – это человек, психически искалеченный ещё в чреве умирающей матери: жестокий, беспощадный, лишённый всякой жалости с самого рождения.

* *Курук* – приспособление для ловли неприрученных лошадей.

* *Астатьярала!* – О Боже!

* *Мушель* – один круг летоисчисления: первый мушель – 13 лет, остальные – по 12 лет; четыре мушеля – 49 лет.

* *Чапан, украшенный зером* – богатый халат, расшитый позолотой.

* *Отан* – Отечество.

* *Шежире* – родословная.

* *Дуана* – юридивый.

* *Тумар* – оберег со спрятанной в нём молитвой.

* *Канбак-трава* – перекасти-поле.

* *Шинак* – струнный инструмент.

* *Дала* – степь.

*Перевод с казахского
Надежды Черновой*